

ISSN 1026-5627

Русский
орнитологический
журнал

2021
XXX

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
2114
EXPRESS-ISSUE

2021 № 2114

СОДЕРЖАНИЕ

- 4299-4312 К орнитофауне гор Хантау.
И. А. ДОЛГУШИН
- 4312-4315 Залёты средиземноморской чайки *Larus michahellis*
на юго-запад Ростовской области. А. В. ЗАБАШТА
- 4316 Новые данные о распространении алтайского уларя *Tetraogallus*
altaicus в Саяно-Шушенском заповеднике (Красноярский край).
Е. А. ШИКАЛОВА, В. В. ВИНОГРАДОВ
- 4317-4319 Поздняя встреча выводка щегла *Carduelis carduelis* в окрестностях
деревни Дубровы (Новоржевский район, Псковская область).
Э. В. ГРИГОРЬЕВ
- 4319-4320 Зимовка горного конька *Anthus spinoletta* на реке Аксенгир
в северных предгорьях Заилийского Алатау.
Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ, В. А. ГРАЧЁВ, А. В. ГРАЧЁВ
- 4320-4322 Регистрация огаря *Tadorna ferruginea* в Твери.
Д. В. КОШЕЛЕВ, В. А. ЧЕРКАСОВ
- 4323-4336 Экология гнездования гуся-белошея *Philacte canagica*
на севере Чукотского полуострова. А. В. КРЕЧМАР,
А. Я. КОНДРАТЬЕВ
- 4336-4339 Новая встреча японского перепела *Coturnix japonica*
в Южном Прибайкалье. Ю. И. МЕЛЬНИКОВ
- 4339-4341 Наблюдения некоторых редких птиц в заказнике Ельня
и его окрестностях (Витебская область). В. Т. КОВАЛЁНОК
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

2021 № 2114

CONTENTS

- 4299-4312 To the avifauna of the Hantau mountains.
I. A. D O L G U S H I N
- 4312-4315 The appearance of the yellow-legged gull *Larus michahellis*
in the southwest of the Rostov Oblast. A . V . Z A B A S H T A
- 4316 New data on the distribution of the Altai snowcock *Tetraogallus*
altaicus in the Sayano-Shushensky nature reserve (Krasnoyarsk
Krai). E . A . S H I K A L O V A , V . V . V I N O G R A D O V
- 4317-4319 Late sighting of a brood of the goldfinch *Carduelis carduelis*
in the vicinity of Dubrovny (Novorzhev Raion, Pskov Oblast).
E . V . G R I G O R I E V
- 4319-4320 Wintering of the water pipit *Anthus spinoletta* on the Aksengir River
in the northern foothills of the Zailiyskiy Alatau.
N . N . B E R E Z O V I K O V , V . A . G R A C H E V ,
A . V . G R A C H E V
- 4320-4322 Registration of the ruddy shelduck *Tadorna ferruginea* in Tver.
D . V . K O S H E L E V , V . A . C H E R K A S O V
- 4323-4336 Breeding ecology of the emperor goose *Philacte canagica*
in the north of the Chukotka Peninsula. A . V . K R E C H M A R ,
A . Y a . K O N D R A T I E V
- 4336-4339 New records of the Japanese quail *Coturnix japonica* in the Southern
Baikal region. Y u . I . M E L ' N I K O V
- 4339-4341 Observations of some rare birds in the Yelnya nature reserve
and its environs (Vitebsk Oblast). V . T . K O V A L E N O K
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

К орнитофауне гор Хантау

И.А.Долгушин

Игорь Александрович Долгушин. Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан

Поступила в редакцию 19 сентября 2021*

Хантау (Кан-Тау) – обособленный горный массив длиной 50 км в северной части Чу-Илийских гор, расположенных между Северным Тянь-Шанем и Илийской долиной в 60 км южнее озера Балхаш (рис. 1). Это своеобразный природный форпост на границе с пустыней Бетпакдала представляет зоогеографический интерес, так как здесь находятся северные пределы распространения ряда представителей тянь-шаньской фауны позвоночных животных. Достаточно отметить, что сюда проникают такие виды птиц как кеклик *Alectoris chukar*, синий каменный дрозд *Monticola solitarius*, большой скальный поползень *Sitta tephronota*, скальная ласточка *Ptyonoprogne rupestris*, горная трясогузка *Motacilla cinerea*.

Рис. 1. Водораздел в горах Хантау у вершины Сункар.

Пустынно-степные водоразделы Хантау имеют холмисто-увалистый облик с мягкими волнистыми формами рельефа и характерными сильно выровненными плато с щебнистой почвой и доминированием полыни. Отдельные вершины имеют шатрообразные формы, иногда с остроко-нечными скальными пиками. Самой высокой из них является Сункар (1052 м н.у.м.). В ущелья рек распространены многочисленные выходы разрушенных гранитных и сланцевых пород по поросшим полынью склонам и «языки» осыпей. Характерно наличие на скалах «пустынного загара» и галерей петроглифов времён андроновской культуры. Речки и ручьи маловодные, обычно пересыхающие в летнюю жару. Кратковременные паводки на них бывают в марте во время таяния снега. Поймен-

* Статью подготовил по архивным и коллекционным материалам Н.Н.Березовиков.

ные заросли в верхнем течении речек представлены тальниками и небольшими группами древовидных ив (рис. 2). В нижней части рек заросли образуют тамариксы и спирея, местами – чий блестящий *Lasia-grostis splendens*. Тростники и галечники встречаются в основном в низовьях рек. Озёр и прудов, как и населённых пунктов, в горах нет. У входа в некоторые ущелья с постоянными водными источниками есть скотоводческие кошары, старые казахские кладбища и отдельные надмогильные сооружения – кумбезы из самана и камней. В горах выпасаются в основном овцы и козы, в зимнее время по малоснежным долинам тебеньют табуны лошадей. Среди скал в самых высоких местах гор встречаются архары *Ovis ammon*. Долины речек и склоны гор во многих местах носят следы длительного выпаса скота. Подгорный шлейф Хантау представляет собой сильно опустыненные волнистые предгорья с ассоциациями из полыни и боялыча *Salsola arbuscula* на каменистых почвах. Местами возвышаются древние курганы и разрушенные поминальные сооружения из крупных камней, относящиеся к XIII веку до нашей эры. Далее простирается боялычевая пустыня с саксаульниками, тамариксами, соровыми низинами и солончаками (рис. 3).

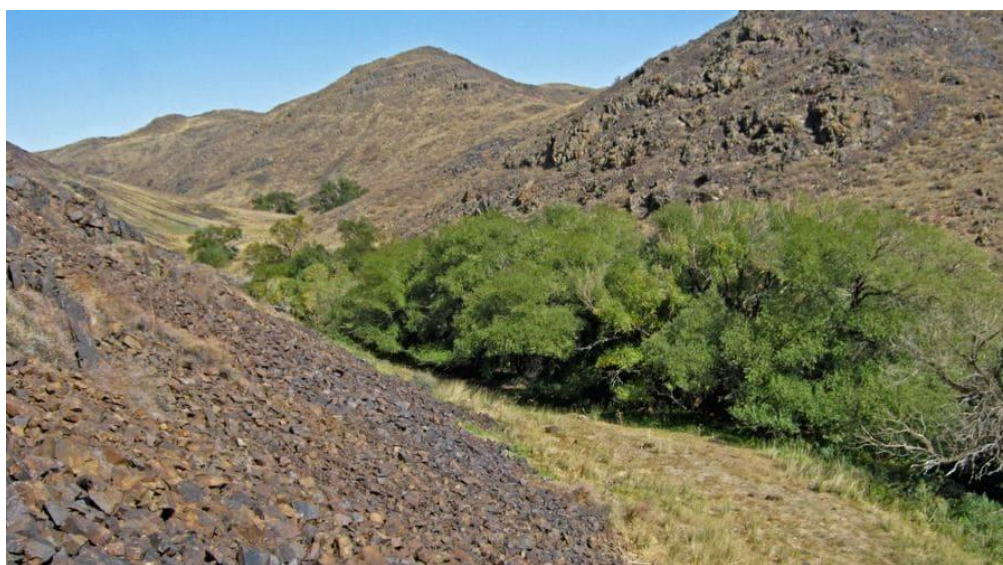

Рис. 2. Пойма речки с ивами в ущелье Хантау.

Полынные каменистые плато и сухие долины в горах Хантау – настоящее царство жаворонков: малых *Calandrella brachydactyla* и двупятнистых *Melanocorypha bimaculata*. Другими характерными обитателями этих горных степей являются каменка-плясунья *Oenanthe isabellina*, полевой конёк *Anthus campestris*, чернобрюхий рябок *Pterocles orientalis*, изредка встречаются журавль-красавка *Anthropoides virgo* и джек *Chlamydotis macqueenii*. По скалистым склонам основной фон птиц составляли каменка-пleshанка *Oenanthe pleschanka*, скальная овсянка *Emberiza buchanani*, кеклик *Alectoris chukar*, степная пустельга *Falco naumanni*, козодой *Caprimulgus europaeus*, угод *Urupa erops*, реже –

огарь *Tadorna ferruginea*, курганник *Buteo rufinus*, стервятник *Neophron percnopterus*, домовый сыч *Athene noctua*, сизый голубь *Columba livia*, пустынный ворон *Corvus ruficollis*, галка *Corvus monedula*, скальная ласточка *Ptyonoprogne rupestris*, большой скальный поползень *Sitta tephronota* и синий каменный дрозд *Monticola solitarius*. В пойменных зарослях многочисленна жёлчная овсянка *Emberiza bruniceps*, реже встречались отдельные пары серой куропатки *Perdix perdix*, обыкновенной горлицы *Streptopelia turtur*, туркестанского жулана *Lanius phoenicuroides*. В ивовых рощицах поселяются отдельные пары иволги *Oriolus oriolus* и чернолоблого сорокопута *Lanius minor*. В домах и постройках дорожных пикетов гнездятся угод, деревенская ласточка *Hirundo rustica*, полевой *Passer montanus* и индийский *P. indicus* воробьи. Случаев гнездования скворцов *Sturnus vulgaris* в 1932-1937 годах не отмечалось, но не исключено, что в дальнейшем они проникнут сюда вдоль линии железной дороги, поселяясь в домах разъездов. По сырым осоковым лужайкам вдоль речек гнездились черноголовые трясогузки *Motacilla feldegg*, в густых тростниках – луговые луни *Circus pygargus*, дроздовидные камышевки *Acrocephalus arundinaceus*, по галечникам – малые зуйки *Charadrius dubius*, а в обрывах селятся золотистые щурки *Merops apiaster*, сизоворонки *Coracias garrulus*, индийские воробьи. По зарослям биюргуна *Anabasis salsa* на подгорных шлейфах изредка встречаются авдотки *Burhinus oedicnemus* и пустынные славки *Sylvia nana*.

Рис. 3. Подгорный шлейф Хантау и пустынная равнина.

Кратковременные наблюдения в Хантау производилось мной в 1932-1937 годах. Первый раз эти горы я пересёк 11 июля 1932, проезжая по тракту Эспе – Бурылбайтал, а на обратном пути 17-19 июля останавливался в них для наблюдений. Уже первые посещения оставили незабы-

ваемые впечатления от своеобразия природы Хантау и убедили меня в необходимости изучения орнитофауны этих гор. В дальнейшем при любой возможности во время экспедиций на Балхаш, в Бетпадалу и Казахский мелкосопочник я старался прокладывать маршруты через эти горы. Так, в 1934 году, проезжая по тракту Бурылбайтал – Эспе, я пересёк Хантау 23 марта и 8 июня, а с 10 по 14 июля совершил совместную поездку с Л.М.Шульпиным из Бурылбайтала на Балхаше в Хантау для более детального ознакомления с её орнитофауной. Именно тогда у нас возникла идея о создании в Хантау заповедника для сохранения популяции архара *Ovis ammon* и ландшафтного разнообразия птиц. С 2 по 6 августа 1936 совершены экскурсии у пикетов Жидели и Жабай и в центральную часть Хантау, а во время поездки с 22 по 26 мая 1937 проведено детальное обследование гор и коллекционные сборы птиц. В период экспедиции в Бетпадалу 17-18 мая 1952 совершён маршрут вдоль железной дороги между станциями Киякты и Хантау с ночёвкой в горах (Долгушин 2020). Всего в 1932, 1934, 1936, 1937 и 1952 годах в Хантау было отмечено пребывание 75 видов и довольно полно уточнён список гнездящихся птиц. Собранная коллекция, хранящаяся в фондах Института зоологии (Алма-Ата), включает 74 экземпляра 31 вида птиц. Ниже приводится перечень гнездящихся и пролётных птиц, который в будущем будет полезен для дальнейшего изучения фауны птиц Хантау и изменений в её составе.

Огарь *Tadorna ferruginea*. Гнездящийся вид. Несколько раз пары огарей наблюдались по руслам речек Хантау. Так, 26 мая 1937 долине речки у пика Макарова пара держалась на одном участке в течение нескольких дней. Здесь же их голоса слышали ночью 25 мая. По беспокойному поведению птиц можно предполагать их гнездование здесь.

Кряква *Anas platyrhynchos*. В небольшом количестве встречается летом по непересыхающим речкам и ручьям Хантау. Не исключено, что некоторые пары гнездятся. Так, 17-19 июля 1932 они встречались по речке у пикета Жидели. На пруду у этого пикета 13 июля 1934 видели самку кряквы, вылетевшую из тростников, возможно, от птенцов.

Чирок-свистунок *Anas crecca*. Встречается во время миграций. Несколько особей держалось на речке у пикета Жидели 18 июля 1932.

Чёрный коршун *Milvus migrans*. 2-3 августа 1936 несколько раз наблюдался у пикета Жидели, 4-6 августа 1936 одиночки между пикетами Жидели и Макарова, 22-26 мая 1937 в горах, 12-13 июля 1934 у пикета Ногай-кудук. Из-за недостатка высоких деревьев для устройства гнёзд коршуны, вероятнее всего, иногда гнездятся в скалах ущелий.

Степной лунь *Circus macrourus*. Изредка встречался 18 мая 1952 в подгорной степи Хантау между станциями Киякты и Хантау.

Луговой лунь *Circus pygargus*. Гнездится на луговинах по речкам Хантау и встречается здесь регулярно, но редко и только в нескольких

подходящих для обитания поймах. Сравнительно часто встречался по лугам 12-15 июля 1934. С 4 по 9 августа 1936 между пикетами Жидели и Макарова наблюдались доросшие и уже хорошо летающие молодые.

Экземпляры коллекции: 1) ♀, ad, 7 августа 1936, Хантау у пикета Жидели; 2). 7 августа 1936, там же; 3) juv, 9 августа 1936, там же.

Ястреб-перепелятник *Accipiter nisus*. Встречается во время миграций. Одиночный ястреб, пролетевший по речной долине, отмечен в Хантау 24 мая 1937.

Обыкновенный курганник *Buteo rufinus*. Одна из обыкновеннейших птиц Хантау и саксаульников в пустынной равнине между Хантау и озером Балхаш. Гнездится по скалам Хантау, но их численность здесь подвержена сильным колебаниям. Будучи многочисленным в одном году, курганник может совершенно отсутствовать в следующем. Очевидно, что это связано с «урожаем» грызунов в том или ином году. Так, в 1932 году, когда мышевидных грызунов было много, курганник был многочислен. Напротив, в годы почти полного отсутствия грызунов (1934, 1936, 1937) курганники встречались единицами. В середине июля 1932 года на небольшой каменистой горке было найдено гнездо, из которого тотчас же вылетел последний молодой. Вся семья с криком летала над человеком, хотя в гнезде оставалось только одно яйцо-«болтун». Несколько курганников наблюдали 18 мая 1952 в северных предгорьях Хантау в районе станции Хантау.

Змееяд *Circaetus gallicus*. На скалах узкого каньоновидного ущелья в Хантау у пикета Ногай-кудук 12 июля 1934 наблюдался одиночный.

Степной орёл *Aquila nipalensis*. Встречался нам во время всех посещений Хантау в 1932-1937 годах, но найти гнёзда и выводки ни разу не удалось. Так, 3-6 августа 1936 в горах у пикета Жидели наблюдались редкие одиночки, 14 июля 1934 здесь же видели пару, 22-26 мая 1937 часто отмечали их на всём маршруте. Двух степных орлов 18 мая 1952 встретили в северных предгорьях Хантау на пути между станциями Киякты и Хантау.

Беркут *Aquila chrysaetos*. Одного беркута, парившего над предгорьями Хантау, 18 мая 1952 наблюдали у станции Хантау.

Могильник. Указан гнездящимся в северных предгорьях Чу-Илийских гор (Корелов 1962). Нами не наблюдался.

Стервятник *Neophron percnopterus*. В 1930-х годах стервятники не представляли редкости в Хантау и отмечались во время всех посещений эти гор. Было найдено значительное количество старых гнёзд, явно принадлежащих этому виду. Большинство из них помещалось на вполне доступных для осмотра скалах. Около них их остатков корма найдены только кости лошадей. При поездке 11-17 июля 1932 от Балхаша до Хантау наблюдали одиночного стервятника на пересохшей речке среди пустынной равнины и несколько особей встретили в горах. Во время экс-

курсий 4-5 августа 1936 изредка видели одиночек у пикета Жидели, но в скалах у пикета Макарова они были обычны. При посещении Хантау 25 мая 1937 отмечена пара. Другую пару видели 12-13 июля 1934 у пикета Ногай-кудук.

Экземпляры коллекции: 1) 6 августа 1936, Хантау у пика Макарова.

Чёрный гриф *Aegypius monachus*. Редкое гнездование известно в Чу-Илийских горах, где было найдено гнездо на уступе скалы (Корелов 1962). В центральной части Хантау вечером 25 мая 1937 видели одиночного грифа, пролетевшего на ночёвку в скалы.

Балобан *Falco cherrug*. Характерный гнездящийся вид Чу-Илийских гор, где его гнёзда находили в горных массивах Анархай, Хантау и Джамбыл (Корелов 1962). В 1932-1937 годах балобан не был найден нами на гнездовании в Хантау, что, вероятнее всего, было связано с циклическими изменениями численности основных его кормовых объектов, особенно большой песчанки *Rhombomys opimus*.

Степная пустельга *Falco naumanni*. Гнездится в скалах Хантау ежегодно, но численность сильно колеблется по годам. Так, в 1934 году она была очень многочисленна. Напротив, в 1936 году за 5 дней пребывания в Хантау мы видели лишь 3-4 особи. В 1937 году их вновь было много. С 22 по 26 мая 1936 большинство осмотренных гнездовых мест этой пустельги были ещё пусты и только в немногих содержались яйца. Насиживание у большинства пар ещё не началось и только в одном гнезде инкубация яиц дошла до стадии появления кровеносных сосудов. Нужно отметить, что в условиях центральной части Хантау пустельга находит исключительно благоприятные условия обитания. На крутом, экспонированном на юг скалистом обрыве длиной около 0.75 км гнезилось не менее 60-70 пар. С 12 по 13 июля 1934 у скал в Ногай-кудуке встречались уже летающие молодые.

Кеклик *Alectoris chukar*. Обычный гнездящийся вид в скалистых ущельях Хантау, где есть источники воды. С наступлением осени стаи кекликов концентрируются в скалах у непересыхающих речек и родников. В горах у пикетов Жидели и Ногай-кудук 22-26 мая 1937 кеклики ещё встречались брачными парами! В скалах у пикетов Жидели и Ногай-кудук 12-14 июля 1934 встречались у воды стаями до 20 особей. В небольшом количестве 2-6 августа 1936 отмечены в скалах по речке Жидели, в одном случае видели стаю до 40 особей.

Экземпляры коллекции: 1) ♀, ad, ad, 3 августа 1936, Хантау у пикета Жидели.

Серая куропатка *Perdix perdix*. Редкая гнездящаяся птица. В зарослях чия *Lasiagrostis splendens* у пикета Жидели 14 июля 1934 встречена стая из 15 особей.

Перепел *Coturnix coturnix*. В третьей декаде мая 1937 года перепела были обычны в горах Хантау на степных участках в долинах рек, где всё время слышался «бой» самцов. На речке Жидели 2 августа 1936

из высокой травы подняли одиночку. Возможно, иногда гнездятся в подходящих местах, несмотря на пустынный характер местности.

Журавль-красавка *Anthropoides virgo*. Отдельные пары наблюдались 22-26 мая 1937 по слегка холмистым полынным местам Хантау.

Коростель *Crex crex*. Наблюдался 22-26 мая 1937 на весеннем пролёте по сырым травянистым местам на одной из речек Хантау у пика Макарова.

Экземпляры коллекции: 1) ♀, ad, 24 мая 1937, Хантау у пика Макарова.

Джек *Chlamydotis macqueenii*. На ровной платообразной вершине Хантау, поросшей полынью, 11 июля 1932 наблюдали в одном месте 5 особей.

Авдотка *Burhinus oedicnemus*. Обитает на пустынной равнине у гор Хантау. Одиночки наблюдались 22-26 мая 1937 и 1 июля 1934.

Малый зуёк *Charadrius dubius*. Редкие пары гнездятся по галечникам речек, вытекающих из гор Хантау. Так, 22-26 мая 1937 и 12-15 июля 1934 отмечался по руслу Жидели и Безымянной речке, при этом 13 июля здесь видели пару, отводящую от птенцов. Несколько малых зуйков встречено 17 мая 1952 по каменистым руслам речек в горах Хантау.

Экземпляры коллекции: 1) ♀, ad, 12 июля 1934, Хантау у пикета Ногай-кудук; 2) ♂, ad, 13 июля 1934, Хантау, речка Жидели; 3) 23 мая 1937, там же.

Чибис *Vanellus vanellus*. Одиночку наблюдали 12 июля 1934 на солончаке у пикета Ногай-кудук.

Черныш *Tringa ochropus*. Редкий пролётный вид. На роднике у пикета Жабай 14 июля 1932 отмечен одиночный. Одиночки и пары чернышей отмечались 18 мая 1952 по речкам и ручьям в горах Хантау.

Перевозчик *Actitis hypoleucos*. По сухому руслу речки у пикета Жидели 2 августа 1936 встречен одиночный из числа пролётных.

Чернобрюхий рябок *Pterocles orientalis*. Гнездится в горах Хантау по ровным платообразным вершинам, поросшим полынью. Местом массового гнездования является долина Дала Кайнар. В небольшом числе рябки гнездятся также по причуйским пустынным равнинам. Речки Хантау служат для чернобрюхих рябков важным местом водопоев, особенно осенью, когда большинство водотоков, выходящих из гор на равнину, пересыхает. Примечательно, что 2-3 августа 1936 эти птицы часто прилетали на водопой на грунтовую дорогу к лужам, образовавшимся после дождя. У пикета Жидели их встречали также в небольшом числе 22-26 мая 1937 и 4-6 августа 1936.

Белобрюхий рябок *Pterocles alchata*. Изредка прилетает в стаях чернобрюхих рябков на водопой на речки, вытекающие из гор Хантау на подгорную равнину. Во время подобных прилётов белобрюхий рябок наблюдался на речке Жидели 22-26 мая 1937, 4-6 августа 1936 и 2-3 августа 1936. По всей видимости, в 1930-е годы район Хантау был одной из южных точек обитания *P. alchata* в Бетпакдале.

Экземпляры коллекции: 1) 4 августа 1936, Хантау у пикета Жидели.

Сизый голубь *Columba livia*. Гнездится в небольшом числе. Одиночки в скалах Хантау наблюдались 22-26 мая 1937 и 12-13 июля 1934 вблизи пикетов Макарова и Ногай-кудук.

Обыкновенная горлица *Streptopelia turtur*. Наблюдались 26 мая 1937 по зарослям тамарикса вдоль русел рек Хантау у пикета Ногай-кудук. Изредка одиночки встречались в кустарниках по ущельям в горах Хантау 18 мая 1952.

Экземпляры коллекции: 1) 26 мая 1934, Хантау у пикета Ногай-кудук.

Большая горлица *Streptopelia orientalis*. Изредка пролётные одиночки наблюдались в Хантау 22-26 мая 1937.

Обыкновенная кукушка *Cuculus canorus*. Одиночку видели 18 мая 1952 по руслу одной из рек в горах Хантау. С 22 по 26 мая 1937 одиночек, возможно, пролётных, несколько раз встречали в горах.

Филин *Bubo bubo*. В 1932-1937 годах в Хантау встречался исключительно редко. Так, 12 июля 1934 наблюдали одного в скалах у пикета Ногай-кудук, а 2-3 августа 1936 в нишах скал по реке Жидели находили погадки с черепами зверьков, в том числе ласки *Mustela nivalis*.

Домовый сыч *Athene noctua*. Обычный гнездящийся вид, встречающийся как в скалах, так и развалинах саманных домов, зимовок и в надмогильных сооружениях – кумбезах. С 22 по 26 мая 1937 в горах часто слышали крики сычей по ночам.

Экземпляры коллекции: 1) 4 августа 1936, Хантау, пикет Жидели.

Обыкновенный козодой *Caprimulgus europaeus*. Обычная гнездящаяся птица гор Хантау, в центральной части которых козодой даже многочислен. Придерживается скал, реже встречается в зарослях тамариксов по сухим руслам рек. При посещении гор 22-26 мая 1937 козодой были обычны, а по вечерам их «мурлыкающие» трели доносились отовсюду. Доросшая молодая птица у пикета Ногай-кудук была добыта 12 июля 1934. Все добытые в коллекцию козодой относились к форме *C. e. unwinii*.

Экземпляры коллекции: 1) ad, 12 июля 1934, Хантау у пикета Ногай-кудук; 2) juv, 12 июля 1934, там же; 3) ad, 2 августа 1936, Хантау у пикета Жидели; 4) ad, 6 августа 1936, там же; 5) ad, 24 мая 1937, Хантау у пика Макарова.

Чёрный стриж *Apus apus*. В большом числе наблюдался у высоких скал в центральной части гор Хантау, где 22-26 мая 1937 видели летающие на большой высоте стаи из нескольких сотен особей. По характеру лёта можно предполагать, что это был не пролёт, а появление стрижей в местах гнездования. С 4 по 6 августа 1936 много стрижей наблюдали в скалах близ пика Макарова.

Экземпляры коллекции: 1) ad, 6 августа 1936, Хантау у пикета Жабай.

Сизоворонка *Coracias garrulus*. Гнездится в небольшом числе по лёссовым обрывам. Изредка встречалась также в скалах по ущельям Хантау. По реке Жидели 2-3 августа 1936 видели хорошо летающих молодых. Изредка одиночки 18 мая 1952 в предгорьях Хантау.

Золотистая щурка *Merops apiaster*. В одиночку и небольшими группами встречается в обрывах рек, выходящих из гор Хантау на равнину (12-15 июля 1934, 22-26 мая 1937). Только однажды, 4-6 августа 1936, у лёссового обрыва одной из рек наблюдали колонию до 50 особей.

Зелёная щурка *Merops persicus*. В горах Хантау не отмечена, но по дороге к западной оконечности Балхаша 26 мая 1937 одиночка наблюдалась у пикета Мын-казан. Далее, у села Бурылбайтал на Балхаше не представляет редкости и встречается регулярно.

Экземпляры коллекции: 1) 10 июля 1934, село Бурылбайтал у озера Балхаш.

Удод *Upupa epops*. Обычен в Хантау, где в 1932-1937 годах регулярно наблюдался по скалам, в развалинах, надмогильных сооружениях — кумбезах, в постройках скотоводческих зимовок-кыстау и пикетов.

Береговая ласточка *Riparia riparia*. Малочисленный пролётный вид. С 4 по 6 августа 1936 отмечено несколько пролётных особей.

Скальная ласточка *Ptyonoprogne rupestris*. В небольшом числе гнездится в скалах некоторых ущелий Хантау. При посещении гор 22-26 мая 1937 видели лишь несколько особей, летающих над вершинами. В одном из гнёзд в горах у пикета Ногай-кудук 12 июля 1934 содержались слабо насиженные яйца, в которых только появились кровеносные сосуды.

Экземпляры коллекции: 1) ♂, ad, 12 июля 1936, Хантау, Ногай-кудук; 2) ♀, ad, 12 июля 1934, Хантау, Ногай-кудук.

Деревенская ласточка *Hirundo rustica*. Обычный гнездящийся вид в домах и хозяйственных постройках всех дорожных пикетов. Кроме того, 23-26 мая 1937 было найдено 3 гнезда вдали от жилья человека. Два из них были устроены в нишах скал в ущелье гор Хантау. Третье гнездо было устроено чрезвычайно оригинально и нетипично для этого вида: в береговом обрыве небольшой речушки под навесом свисающей сверху травы. Во всех трёх гнёздах содержались неполные кладки со свежими яйцами. В одном из осмотренных гнёзд 12 июля 1934 в доме на пикете Ногай-кудук было 5 голых птенцов.

Экземпляры коллекции: 1) ♂, ad, 12 июля 1934, Хантау, пикет Ногай-кудук; 2) juv, 9 июля 1936, Хантау, пикет Жидели.

Малый жаворонок *Calandrella brachydactyla*. Обычный, местами многочисленный гнездящийся по каменистым полынным плато Хантау и на прилежащей пустынной равнине.

Экземпляры коллекции: 1) ♂, ad, 10 июля 1934, село Бурылбайтал у Балхаша; 2) ♂, ad, 10 июля 1934, там же; 3-4) 10 июля 1934, там же; 5) ♂, ad, 10 июля 1934, Хантау у пикета Ногай-кудук.

Двупятнистый жаворонок *Melanocorypha bimaculata*. Вместе с малым жаворонком составляет главную массу птиц, населяющих каменистые полынные плато в горах Хантау. При пересечении Хантау по дороге Эспе — Бурылбайтал 23 марта 1934 массовый пролёт, исключительный по количеству особей. По всей видимости, этот жаворонок прилетает на Балхаш по Чуйской долине по равнине вдоль Хантау. С 22 по

26 мая 1937 по равнинным местам Хантау эти жаворонки были обычны, 2-6 августа 1936 встречались кочующие стаи с молодым, в массе посещали водопой по речке Жидели, прилетая на час раньше рябков.

Экземпляры коллекции: 1) ♂, ad, 23 марта 1934, Орыс-кудук между Хантау и Балхашом; 2) juv, 12 июля 1934, Хантау у пикета Ногай-кудук; 3) ♂, ad, 24 мая 1937, Хантау у пика Макарова.

Полевой конёк *Anthus campestris*. Характерный гнездящийся вид по полынным плато Хантау, где по численности уступает только жаворонкам. В горах у пикета Жидели 2-3 августа 1936 встречались взрослые и доросшие молодые особи.

Экземпляры коллекции: 1) 10 июля 1934, село Буылбайтал у озера Балхаш; 2) 3 августа 1936, Хантау у пикета Жидели.

Черноголовая трясогузка *Motacilla feldegg*. В небольшом количестве гнездится на сырых осоковых лугах по речкам Хантау. Отмечалась 3 июля 1934 и 2-6 августа 1936 в пойме речки Жидели.

Горная трясогузка *Motacilla cinerea*. В центральной части Хантау на речке Безымянной близ пика Макарова 24-26 мая 1937 на одном и том же участке в течение трёх дней держалась брачная пара. Судя по поведению, можно допустить гнездование. На речке между станциями Киякты и Хантау 18 мая 1952 видели самца и самку, державшихся парой.

Экземпляры коллекции: 1) ♀, ad, 25 мая 1937, Хантау у пика Макарова.

Белая трясогузка *Motacilla alba dukhunensis*. Пролётный вид. Одиночки дважды отмечены 18 мая 1952 по речкам в горах Хантау.

Туркестанский жулан *Lanius phoenicuroides*. В небольшом числе гнездится в кустарниках, преимущественно в зарослях тамарикса и спирей, по руслам пересыхающих речек, вытекающих из гор Хантау. Наблюдался 12 июля 1934 у пикета Ногай-кудук и 17-18 мая 1952 на всём пути между станциями Киякты и Хантау по тамариксам и другим кустам в мезофильных местах.

Обыкновенный жулан *Lanius collurio*. Редкий пролётный вид. Одного самца наблюдали и добыли 23 мая 1937 на проводах телеграфной линии у пикета Жидели.

Экземпляры коллекции: 1) ♂, ad, 24 мая 1937, Хантау у пикета Жидели.

Чернолобый сорокопут *Lanius minor*. Редкие пары гнездятся в центральной части Хантау, где обнаружены 22-26 мая 1937 в небольшой урёме из высокоствольных ив по руслу Безымянной речки в окрестностях пикета Макарова.

Пустынный сорокопут *Lanius lathora* [*L. pallidirostris*, *L. meridionalis*]. В горах Хантау не наблюдался, однако 12 июля 1932 был найден в саксаульниках на пустынной равнине между Хантау и Балхашом, где гнездится.

Иволга *Oriolus oriolus*. Редкие гнездовые пары обнаружены 22-26 мая 1937 в центральной части Хантау в местах, где сохранились высокоствольные ивы.

Розовый скворец *Pastor roseus*. Характерная птица Чу-Илийских гор, гнездящаяся здесь эпизодически, регулярно встречающаяся здесь во время миграций и послегнездовых кочёвок. В Хантау в 1932-1937 годах случаев гнездования не было известно.

Галка *Corvus monedula*. В небольшом числе гнездилась в скалах по ущельям Хантау.

Пустынный ворон *Corvus ruficollis*. Во время всех посещений Хантау мы встречали этих воронов у пикетов Жидели, Ногай-Кудук и Макарова, причём нередко парами. С 14 по 26 мая 1937 года одна пара воронов держалась на гнездовом участке у самых недоступных в центральной части гор скал. Примечательно, что *C. ruficollis* стали охотно использовать торцы деревянных столбов ЛЭП вдоль дорог.

Экземпляры коллекции: 1) ad, 24 мая 1937, Хантау у пика Макарова; 2) 1) ad, 26 мая 1937, там же; 3) ad, 26 мая 1937, Хантау у пикета Ногай-кудук; 4) ad, 26 мая 1937, там же.

Acrocephalus sp. Неоднократно наблюдалась по речкам Хантау в местах, где по руслу имеются заросли тростников. С 22 по 26 мая 1937 их встречали часто, поющие самцы явно заняли гнездовые участки. Особенно много их встречали 13 июля 1934 и 4-6 августа 1936 по речке Жидели. Вероятнее всего, наблюдавшиеся камышевки были *A. agricola*, но добыть экземпляры для определения не удалось.

Садовая камышевка *Acrocephalus dumetorum*. В значительном количестве наблюдалась 22-26 мая 1937 на пролёте по зарослям спиреи по ущельям и руслам рек.

Экземпляры коллекции: 1) ad, 24 мая 1937, Хантау у пика Макарова.

Дроздовидная камышевка *Acrocephalus arundinaceus*. В горах Хантау наблюдалась 4-6 августа 1936 по речке Жидели, где дроздовидные камышевки обитают в высоких зарослях тростника значительной мощности.

Серая славка *Sylvia communis*. В заметном числе 22-26 мая 1937 встречалась в кустарниках по склонам гор и долинам рек в Хантау у пикетов Жидели и Макарова. Редкие пролётные одиночки отмечены также 4-6 августа 1936.

Экземпляры коллекции: 1) 6 августа 1936, Хантау у пикета Жабай; 2) 1) ad, 23 мая 1937, Хантау у пикета Жидели; 3) ad, 25 мая 1937, Хантау у пика Макарова.

Славка-завирушка *Sylvia curruca halimodendri*. Во время миграций в небольшом числе наблюдалась 22-26 мая 1937 и 4-6 августа 1936 по кустарникам южных склонов Хантау. Несколько особей отмечено 12-13 июля 1934 в зарослях тамариксов по пересохшим руслам рек у пикета Ногай-кудук.

Пустынная славка *Sylvia nana*. В горах Хантау одиночка наблюдалась лишь однажды, 3 августа 1936, по зарослям спиреи у выхода речки Жидели из ущелья. В середине июля 1934 года несколько пар наблюдались в предгорьях Хантау, где холмы имеют уже мягкие очертания, а скалы отсутствуют. Здесь пустынные славки держались в полынно-боя-

лычевых ассоциациях. Чаще они наблюдались 12 и 17 июля 1932 в полынно-боялычевой пустыне между Хантау и Балхашом.

Экземпляры коллекции: 1-2) ad, 12 июля 1934, предгорья Хантау у пикета Ногай-кудук; 3) 3 августа 1936, Хантау у пикета Жидели.

Зелёная пеночка *Phylloscopus trochiloides* [*Phylloscopus nitidus viridanus*]. С 22 по 26 мая 1937 в порядочном количестве пролётных пеночек встречали в поймах рек в горах Хантау.

Серая мухоловка *Muscicapa striata*. Наблюдалась в Хантау на пролёте 4-6 августа 1936 по ущельям с кустарниками и скалами.

Экземпляры коллекции: 1) ♀, ad, 24 мая 1937, Хантау у пика Макарова.

Каменка-пleshанка *Oenanthe pleschanka*. Одна из характерных птиц скальных выходов на склонах и вершинах Хантау. Во время экскурсий 12-15 июля 1934 в ущельях часто встречались уже разбившиеся выводки с самостоятельными молодыми.

Экземпляры коллекции: 1) ♂, juv, 12 июля 1934, Хантау у пикета Ногай-кудук.

Плясунья *Oenanthe isabellina*. Обычная гнездящаяся птица по полынному плато и широким долинам рек в горах Хантау, где является фоновым видом наряду с жаворонками и полевым коньком. Часто встречалась в холмистых предгорьях Хантау, а также в полынно-боялычевой пустыне между Хантау и Балхашом (12-17 августа 1932). Обычной была 17-18 мая 1952 на всём маршруте между станциями Киякты и Хантау в колониях больших песчанок среди саксаульников.

Экземпляры коллекции: 1) 10 июля 1934, село Бурыйбайтал у западной оконечности Балхаша.

Синий каменный дрозд *Monticola solitarius*. Единично гнездится в Хантау, населяя исключительно скалы на южных, хорошо прогреваемых склонах со скудной растительностью. В горах у пика Макарова 25 мая 1937 обнаружено гнездо с кладкой из 5 свежих яиц. Размещалось оно в трещине скалы и осмотреть его можно было с большим трудом. Кроме того, в начале августа 1936 года наблюдали как дрозды поедали ягоды смородины каменной *Ribes saxatile*.

Экземпляры коллекции: 1) ♀, ad, 25 мая 1937, Хантау у пика Макарова.

Горихвостка-чернушка *Phoenicurus ochruros phoenicuroides*. Редкие пролётные одиночки наблюдались в скалах гор Хантау с 22 по 25 мая 1937.

Экземпляры коллекции: 1-2) ♀♀, ad, 25 мая 1937, Хантау у пика Макарова.

Варакушка *Luscinia svecica*. Между станциями Киякты и Хантау 17 мая 1952 парочку варакушек видели в бурьяннике среди развалин зимовки-кыстау у реки.

Большой скальный поползень *Sitta tephronota*. Характерная птица скал на южных склонах гор Хантау. В большинстве посещённых мест он был сравнительно редок, но в центральной части оказался многочислен. Гнездо, найденное 24 мая 1934 в ущелье реки Жидели, помещалось в нише скалы. Прикреплённая к потолку глиняная постройка поражала своей прочностью. Сооружение имело длину около 65 см при

наибольшей ширине 20 см. Выстилку гнезда составляла исключительно шерсть грызунов, выбранная из погадок. В нём было 7 птенцов, покрытых кисточками перьев. Родители очень привязаны к птенцам и при появлении человека у гнезда теряли всякую осторожность, сильно беспокоясь рядом.

Экземпляры коллекции: 1) ♀, ad, 13 июля 1934, Хантау, речка Жидели; 2) juv, 13 июля 1934, там же; 3) ♂, 24 июля 1937 Хантау у пика Макарова; 4) ♀, 25 июля 1937, там же; 5-11) juv, 25 июля 1937.

Индийский воробей *Passer indicus*. В 1934-1937 годах гнезился в постройках всех пикетов вдоль дороги Эспе – Бурылбайтал. Наблюдался также в лёссовых обрывах, а 12-13 июля 1934 их видели в скалах Карасука. Встречался 17 мая 1952 вдоль железной дороги между станциями Карасай и Киякты (определение подтверждено добытым экземпляром).

Полевой воробей *Passer montanus*. Вдоль дороги Эспе – Бурылбайтал полевой воробей гнезился в домах и хозяйственных постройках всех пикетов, а также в скалах.

Обыкновенная чечевица *Carpodacus erythrinus*. Стайки по 10-15 штук встречались 17-18 мая 1952 в пустыне на всём маршруте от Балхаша до Хантау. В кустарниках по склонам ущелья речки Жидели 23 мая 1937 отмечена стая до 30 особей, а на следующий день одиночных чечевиц встречали в долинах рек у пика Макарова.

Экземпляры коллекции: 1) ♂, ad, 23 мая 1937, Хантау, река Жидели; 2) ad, 24 мая 1937, Хантау у пика Макарова.

Просянка *Emberiza calandra*. Пролётный экземпляр добыт 23 мая 1937 в тростниках на речке Жидели.

Экземпляры коллекции: 1) 23 мая 1937, Хантау, пикет Жидели.

Скальная овсянка *Emberiza bichanani*. Обычная гнездящаяся птица скальных обнажений и осыпей в горах Хантау. С 22 по 26 мая 1937 часто встречалась во всех посещённых каменистых местах, а с 2 по 6 августа 1936 скальная овсянка была обычна по речке Жидели и в районе пика Макарова.

Экземпляры коллекции: 1-2) ♂♂, ad, 12 июля 1934, Хантау, Ногай-кудук; 3) juv, 13 июля 1934, Хантау у пикета Жидели; 4) 2 августа 1936, там же.

Жёлчная овсянка *Emberiza bruniceps*. В большом числе гнездится по более или менее мезофильным стациям Хантау, включая заросли чия и тамарикса вдоль рек, кустарниковые склоны гор. Многочисленной жёлчная овсянка была в Хантау 22-26 мая 1937 и 17-18 мая 1952. Во время экскурсий 12-15 июля 1934 встречались выводки и летающие молодые, а с 2 по 6 августа 1936 семьи овсянок уже распались, и некоторые особи уже встречались в негнездовых стациях, включая тростники вдоль рек.

Экземпляры коллекции: 1) ♀, ad, 12 июля 1934, Хантау, Ногай-кудук; 2) juv, 12 июля 1934, там же; 3) ♀, ad, 12 июля 1934, Хантау, река Жидели; 4) 2 августа 1936, Хантау, река Жидели; 5) 3 августа 1936, там же.

Литература

- Долгушин И.А. 2020. Орнитологический дневник экспедиции в пустыню Бетпак-Дала и Казахский мелкосопочник в мае и июне 1952 года // *Рус. орнитол. журн.* **29** (1972): 4167-4223.
- Корелов М.Н. 1962. Отряд хищные птицы – Falconiformes // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **2**: 488-707.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2021, Том 30, Экспресс-выпуск **2114**: 4312-4315

Залёты средиземноморской чайки *Larus michahellis* на юго-запад Ростовской области

А.В.Забашта

Алексей Владимирович Забашта. ФКУЗ Ростовский-на-Дону противочумный институт
Роспотребнадзора, ул. М.Горького, 117/40, Ростов-на-Дону, 344002, Россия.
E-mail: zabashta68@mail.ru

Поступила в редакцию 21 сентября 2021

В России ареал средиземноморской чайки *Larus michahellis* охватывает скалистые приморские районы Крыма и Кавказа, в пределах которого птицы гнездятся на прибрежных скалах, а также используют для размножения некоторые высотные здания в населённых пунктах (Сикорский 2016; Цвелых 2016, 2018; Тильба, Филиппов 2016; Белик 2018; Бескаравайный 2018). В этих же районах отмечены и летне-осенние кочёвки этих птиц (Барабашин 2013; Белик 2015). Однако перемещения средиземноморских чаек в послегнездовой период могут быть значительно шире. Об этом свидетельствуют их встречи на северном побережье Азовского моря поблизости от Таганрога. Одна взрослая особь была сфотографирована на Беглицкой косе А.Кузьминым в конце августа 2011 года*. Судя по видимым признакам, на фотоснимке именно средиземноморская чайка.

В последние годы было отмечено ещё несколько встреч средиземноморских чаек восточнее Таганрогского залива. В августе-октябре 2018 года большие стаи больших белоголовых чаек регулярно собирались на взлётно-посадочной полосе (ВПП) старого Ростовского аэродрома гражданской авиации, расположенного на восточной окраине города и выведенного из эксплуатации. Рейсы воздушных судов на нём были прекращены и эту охраняемую, фактически безлюдную территорию чайки быстро освоили как место отдыха в дневное, а иногда и в ночное время

* <https://erbirds.ru/v2taxgal.php?sortby=1&sort=desc&saut=93&s=213&p=0&l=ru>

(рис. 1). Как правило, на ВПП птицы собирались в середине дня после кормёжки. Численность собирающихся чаек в разные дни составляла 100-500, а в некоторые сутки – до 700-800 особей. Основную массу чаек составляли хохотуны *Larus cachinnans*, но визуально отмечены также средиземноморские и серебристые *L. argentatus* чайки.

Рис. 1. Скопление больших белоголовых чаек на взлётно-посадочной полосе закрытого Ростовского аэропорта. Ростов-на-Дону. 17 октября 2018. Фото автора.

В сентябре-ноябре 2018-2019 годов на сельскохозяйственных полях севернее станицы Грушевская и в окрестностях хуторов Камышеваха, Горизонт, Валовой (Аксайский район) регулярно встречались стаи больших белоголовых чаек, в которых в разных соотношениях присутствовали неполовозрелые особи. Подавляющее большинство взрослых чаек в этих стаях составляли хохотуны. Но среди них визуально определено от одной до нескольких средиземноморских чаек, две из которых были добыты 22 октября 2018. Расстояние от места добычи до ближайшего морского побережья составляет 55 км. Из одного экземпляра средиземноморской чайки (самец) была сделана тушка и передана в коллекцию Зоологического музея Московского университета, где подтверждена её видовая принадлежность. Осенью 2019 года одна средиземноморская чайка поймана 30 сентября в новом аэропорту Ростов-на-Дону (Платов) (рис. 2), расположенном поблизости от указанных населённых пунктов, а 16 октября 2019 ещё одна особь добыта на прилегающих сельскохозяйственных полях. Обе птицы держались в общих стаях с хохотунами.

Чайки стаями 10-50 особей прилетали утром на то или иное поле и, рассредоточившись, кормились до полудня. Судя по направлению утренних перемещений, все птицы прилетали со стороны Новочеркасска, где их большие скопления регистрировались на полигоне твёрдых коммунальных отходов (ТКО) в течение всего холодного периода, но иногда наблюдался подлёт стай этих птиц с северо-запада. После кормёжки чайки с полей могли улетать на восток – в сторону Новочеркасска, или на юго-запад – в сторону дельты Дона, но иногда выраженный отлёт стай

проходил в северном и северо-западном направлении – в сторону Новошахтинска. Находившиеся в общих стаях с хохотуньями средиземноморские чайки, очевидно, в своих перемещениях также придерживались этих направлений.

Рис. 2. Средиземноморская чайка *Larus michahellis* в аэропорту Ростов-на-Дону (Платов). Аксайский район, Ростовская область. 30 сентября 2019. Фото автора.

К настоящему времени в северо-восточном Приазовье встречи средиземноморских чаек приурочены к северному побережью Таганрогского залива и далее – к низовьям Дона. На южном побережье Таганрогского залива в скоплениях других чаек они не регистрировались. Отсутствовала средиземноморская чайка и на островах южной части дельты Дона. Например, в 2019-2020 годах эти птицы ни разу не встречены на песчаной косе острова Джулька, где в осеннее время постоянно держатся несколько десятков, а иногда и более сотни хохотуний.

Остаются ли средиземноморские чайки в рассматриваемом районе на зимовку – неизвестно, но весной на местах гнездовых колоний хохотуний в дельте Дона на островах Малый и Большой Дворяны в течение последних нескольких лет они ни разу не встречены. Это указывает на то, что залетевшие в осенний период в северо-восточное Приазовье средиземноморские чайки всё же покидают этот район и, по-видимому, возвращаются в пределы района своего гнездования.

У добытых средиземноморских чаек было исследовано содержимое пищеварительного тракта. У одной особи нижняя часть пищевода и весь объём желудка были полностью наполнены семенами подсолнечника,

которые птицы собрали на убранном и передискованном поле. У других, кроме семян подсолнечника, отмечены куколки совок Noctuidae, жужелицы *Harpalus* sp. и *Ophonus* sp., а также остатки полёвок. Сходный набор пищевых объектов обнаружен и в содержимом желудков хохотуний, добытых в те же дни в совместных скоплениях чаек на полях. Из этого следует, что средиземноморские чайки, находясь в общих стаях с хохотуньями, как на местах отдыха, так и на кормёжке потребляют одни и те же группы кормов.

Приведённые материалы показывают, что взрослые средиземноморские чайки на осенних кочёвках регулярно (по-видимому, ежегодно) встречаются вдоль северного побережья Азовского моря, достигая восточной части Таганрогского залива и дельты Дона. В общих стаях с другими белоголовыми чайками средиземноморские встречаются единицами. Их общее число в этом районе, по-видимому, не превышает нескольких десятков особей. Придерживаясь общих стай с хохотуньями и, очевидно, увлекаемые ими при кормовых перемещениях на полигоны ТКО и другие хозяйственные объекты, средиземноморские чайки в низовьях Дона достигают района Новочеркасска. А при разлёте на кормёжку на сельскохозяйственные поля могут удаляться от морских побережий вглубь материка на расстояние более 50 км.

Автор выражает благодарность Г.Б.Бахтадзе за изготовление коллекционной тушки.

Л и т е р а т у р а

- Барабашин Т.О. 2013. Большие белоголовые чайки (*Larus argentatus*, *L. cachinnans*, *L. michahellis*, *L. fuscus*, *L. heuglini*) в Российском секторе Чёрного моря – статус и характер пребывания // Тез. 8-й Междунаро. науч.-практ. конф. молодых учёных по проблеме водных экосистем «Pontus Euxinus» – 2013. Севастополь: 17-18.
- Белик В.П. 2015. К орнитофауне Пицундо-Мюссерского заповедника и его окрестностей // Орнитология **39**: 5-47.
- Белик В.П. 2018. Колония средиземноморской чайки *Larus michahellis* в Новороссийске // Рус. орнитол. журн. **27** (1614): 2433-2441.
- Бескаравайный М.М. 2018. Средиземноморская чайка // Стренет **16**, 1/2: 126-127.
- Сикорский И.А. 2016. Средиземноморская чайка *Larus michahellis* – гнездящийся вид Черноморского побережья Крыма // Рус. орнитол. журн. **25** (1326): 3069-3074.
- Тильба П.А., Филиппов В.Л. 2016. Гнездование средиземноморской чайки *Larus michahellis* на Черноморском побережье Кавказа // Рус. орнитол. журн. **25** (1244): 376-379.
- Цвелых А.Н. 2016. Распространение *Larus michahellis* J.F. Naumann и *Larus cachinnans* Pallas на Крымском полуострове // Бранта **19**: 160-165.
- Цвелых А.Н. 2018. Падение численности желтоногой чайки *Larus michahellis* J.Ff. Naumann на Крымском полуострове на рубеже XX-XXI веков // Бранта **21**: 73-81.

Новые данные о распространении алтайского улара *Tetraogallus altaicus* в Саяно-Шушенском заповеднике (Красноярский край)

Е.А.Шикалова, В.В.Виноградов

Елена Алексеевна Шикалова. ФГБУ Государственный природный биосферный заповедник «Саяно-Шушенский», посёлок Шушенское, Красноярский край, Россия. ФГБОУ ВО Хакассский государственный университет им. Н.Ф.Катанова, Абакан, Россия. E-mail: e.shikalova@mail.ru
Владислав Владиславович Виноградов. ФГБОУ ВО Хакассский государственный университет им. Н.Ф.Катанова, Абакан, Россия. Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф.Войно-Ясенецкого, Красноярск, Россия

Поступила в редакцию 9 сентября 2021

Алтайский улар *Tetraogallus altaicus* внесён в Красную книгу Красноярского края (4 категория – редкий вид края) и в Приложение к Красной книге Российской Федерации. На территорию Красноярского края заходит лишь северная часть ареала алтайского улара, простираясь по левобережью до Саянского хребта, а на правом берегу реки Енисей – до устья реки Кара-Керем (в 15 км севернее реки Ус). Восточная граница в Западном Саяне охватывая горностепные участки приенисейских водораздельных хребтов (Баранов 2012).

В границах Саяно-Шушенского заповедника алтайский улар ранее регистрировался в долине Енисея на север до устья реки Шигната (Петров 2014). 7 сентября 2020 государственными инспекторами во время проведения оперативно-рейдовых мероприятий в центральной части территории заповедника была отмечена стая уларов численностью не менее 30 особей. Заметив людей, птицы с шумом разлетелись. Встреча произошла в междуречье рек Большая и Малая Керема, точные координаты не определены. Ранее алтайского улара отмечали в южной части Саяно-Шушенского заповедника. Новая точка встречи находится примерно в 10 км севернее ранее указанной границы распространения.

Литература

- Баранов А.А. 2012. Алтайский улар *Tetraogallus altaicus* (Gebler, 1836) // *Красная книга Красноярского края: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных*. Красноярск: 86.
Петров С.Ю. 2014. *Птицы Саяно-Шушенского заповедника*. Абакан: 1-211.

Поздняя встреча выводка щегла *Carduelis carduelis* в окрестностях деревни Дубровы (Новоржевский район, Псковская область)

Э.В.Григорьев

Эдуард Вячеславович Григорьев. Деревня Дубровы, Новоржевский район, Псковская область, 182457, Россия. E-mail: edik.grigoriev2016@yandex.ru

Поступила в редакцию 22 сентября 2021

Щегол *Carduelis carduelis* – обычный, но немногочисленный пролётный, гнездящийся и зимующий вид Псковской области (Бардин, Фетисов 2019). Сплошных лесов эта птица избегает, гнездится в основном в населённых пунктах, парках, садах, рощах среди сельскохозяйственного ландшафта. Для щегла на Северо-Западе России характерен растянутый период размножения, начало кладок наблюдается на протяжении более 2.5 месяцев (Мальчевский, Пукинский 1983). Предполагается, что за лето у щеглов может быть два или даже три выводка (Мальчевский, Пукинский 1983; Шурупов 2014). В Псковской области специальных исследований биологии щегла не проводилось.

В окрестностях деревни Дубровы в Новоржевском районе Псковской области щеглы приступают к гнездованию сравнительно поздно, когда деревья покрываются листьями. Самая ранняя дата наблюдения начала строительства гнезда – 2 мая 2014, самая поздняя – 30 мая 2000, в среднем за 9 лет – 17 мая (табл. 1). В большинстве случаев отмечается второе (или повторное) гнездование пары за лето.

Таблица 1. Первые встречи щеглов, строящих гнёзда первого цикла размножения в окрестностях деревни Дубровы

Год	Первая встреча птиц со строительным материалом	Год	Первая встреча птиц со строительным материалом
1997	14 мая	2003	20 мая
1998	27 мая	2005	12 мая
2000	16 мая	2006	18 мая
2001	30 мая	2014	2 мая
2002	11 мая		

Самая ранняя первая встреча вылетевших птенцов первых выводков произошла 13 июня 2002, самая поздняя – 8 июля 1999, в среднем за 13 лет – 23 июня (табл. 2). Как известно, питаются щеглы семенами, преимущественно различных сложноцветных. Ими они в основном и выкармливают птенцов (Прокофьева 2001). В конце мая – начале июня

щеглы часто кормятся семенами одуванчика *Taraxacum officinale*. В третьей декаде июня чаще всего приходится наблюдать выводки щеглов на козлобороднике луговом *Tragopogon pratensis*. В Новоржевском районе в среднем за 18 лет наблюдений созревание семян у козлобородника наблюдается 21 июня (10 июня 2018 – 2 июля 2015, 2017). О большом значении семян козлобородника (*Tragopogon major*) в питании щеглов в Башкирии сообщают В.А.Валуев и А.Р.Ишбирдин (2016).

Таблица 2. Первые встречи слётков из ранних и поздних выводков щегла в окрестностях деревни Дубровы

Годы	Слётки из ранних гнёзд	Слётки из поздних гнёзд	Годы	Слётки из ранних гнёзд	Слётки из поздних гнёзд
1999	8 июля	–	2011	19 июня	5 сентября
2002	13 июня	–	2013	–	1 августа
2003	19 июня	–	2015	15 июня	10 августа
2004	23 июня	–	2016	24 июня	29 августа
2005	29 июня	–	2019	18 июня	–
2008	2 июля	–	2020	27 июня	–
2009	16 июня	10 августа	2021	22 июня	14 сентября

Место встречи позднего выводка щегла *Carduelis carduelis*. Заросли лопуха паутинистого *Arctium tomentosum*. Деревня Дубровы, Новоржевский район, Псковская область. 22 сентября 2021. Фото автора.

Птенцы из вторых или повторных гнёзд щеглов вылетают в июле, августе и даже в начале сентября. В Ленинградской области самые поздние встречи слётков, которых кормили родители, отмечены 6 сентября 1964 и 15 сентября 1981 (Мальчевский, Пукинский 1983). В Новоржевском районе Псковской области в прежние годы самая поздняя встреча

выводка щеглов, где молодые получали корм от родителей, зарегистрирована 5 сентября 2011. В 2021 году выводок несамостоятельных молодых наблюдался ещё позднее – 14 сентября. Щеглы кормились семенами лопуха паутинистого *Arctium tomentosum* в густых зарослях этого растения в деревне Дубровы (см. рисунок). Один птенец громко требовал у взрослых пищи, сильно трепеща крыльями. По грубой оценке, в данном случае кладка была начата в первой декаде августа.

Семена лопуха, или репейника – излюбленная пища щеглов в конце лета и весь осеннее-зимний период в районе наших исследований.

Л и т е р а т у р а

- Бардин А.В., Фетисов С.А. 2019. Птицы Псковской области: аннотированный список видов // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1733): 731-789.
- Валуев В.А., Ишбирдин А.Р. 2016. К питанию щегла *Carduelis carduelis* в Башкирии // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1244): 391-392.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана.* Л., 2: 1-504.
- Прокофьева И.В. 2001. О поведении щеглов *Carduelis carduelis* в гнездовое время // *Рус. орнитол. журн.* **10** (144): 411-417.
- Шурупов И.И. 2014. Особенности размножения некоторых вьюрковых птиц в лесной зоне европейской части России // *Рус. орнитол. журн.* **23** (1074): 3724-3729.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2021, Том 30, Экспресс-выпуск **2114**: 4319-4320

Зимовка горного конька *Anthus spinoletta* на реке Аксенгир в северных предгорьях Заилийского Алатау

Н.Н.Березовиков, В.А.Грачёв, А.В.Грачёв

Николай Николаевич Березовиков, Владимир Александрович Грачёв, Александр Владимирович Грачёв. Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 22 сентября 2021

Горный конёк *Anthus spinoletta* в небольшом числе зимует по незамерзающим речкам и ручьям в северных предгорьях Тянь-Шаня (Шнитников 1949; Гаврилов 1970), однако экземпляров, подтверждающих их видовую принадлежность, в коллекциях до сих пор очень мало.

Нами установлена ещё одна точка зимовки горного конька в холмисто-увалистых предгорьях у северного подножия Заилийского Алатау в пойме реки Аксенгир у села Таран Жамбылского района Алматинской области (43°21'38" с.ш., 76°16'28" в.д.), в 60 км западнее Алма-Аты. Во

время экскурсии 15 января 1987 по заболоченным осоковым участкам русла этой незамерзающей речки с фрагментарными зарослями тростников и тальников были встречены два горных конька, добытые в коллекцию. Ими оказались взрослые самец и самка. Оба экземпляра переданы на хранение в орнитологическую коллекцию Института зоологии Республики Казахстан.

Л и т е р а т у р а

Гаврилов Э.И. 1970. Род Конёк – *Anthus* // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 3: 287-321.
Шнитников В.Н. 1949. *Птицы Семиречья*. М.; Л.: 1-665.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2021, Том 30, Экспресс-выпуск 2114: 4320-4322

Регистрация огаря *Tadorna ferruginea* в Твери

Д.В.Кошелев, В.А.Черкасов

Дмитрий Вячеславович Кошелев, Вадим Андреевич Черкасов. Тверское отделение Русского общества сохранения и изучения птиц им. М.А.Мензбира, Союз охраны птиц России.
E-mail: strix54@mail.ru; maestro.enrico@mail.ru

Поступила в редакцию 24 сентября 2021

Огарь *Tadorna ferruginea* – очень редкий, случайно залётный вид Тверской области (Зиновьев 1985; Викторов 2014; Кошелев и др. 2021). Естественная область его гнездования занимает степную и пустынную зоны Палеарктики от Средиземного моря до Приамурья (Исаков 1952).

Рис. 1. Огарь *Tadorna ferruginea* улетают с прудов-отстойников очистных сооружений. Большие Перемерки. Тверь. 12 сентября 2021. Фото В.А.Черкасова.

В Тверской области огарь впервые был отмечен 15 мая 1940: пара птиц держалась у озера Перемутское в пойме реки Мологи выше Весьегонска; примерно в те же годы (около 1938 года) одиночный огарь на-

блюдался в окрестностях Ярославля (Исаков, Распопов 1949). Примечательно, что эти встречи были зарегистрированы за несколько лет до образования интродуцированной московской популяции огарей, начавшей формироваться в 1948 году в Москве из птиц Московского зоопарка (Поповкина 1999; Поповкина, Зарубина 2005).

Рис. 2. Расположение прудов-шламонакопителей ТЭЦ-4 (1) и прудов-отстойников очистных сооружений (2) на юго-восточной окраине Твери.

Рис. 3. Огари *Tadorna ferruginea* на прудах-шламонакопителях золоотвала ТЭЦ-4. Посёлок имени Крупской. Тверь. 12 сентября 2021. Фото Д.В.Кошелева.

Нами огари — два самца и самка — встречены 12 сентября 2021 на юго-восточной окраине Твери. С 10 ч 15 мин до 11 ч 45 мин птицы одним из авторов наблюдались на прудах-отстойниках очистных сооружений в посёлке Большие Перемерки, затем они улетели в сторону посёлка имени Крупской в городе Твери (рис. 1). В 11 ч 48 мин другим автором эти же огари были отмечены на прудах-шламонакопителях золоотвала ТЭЦ-4 в посёлке имени Крупской, расположенных в 1.6 км от прудов-отстойников (рис. 2). Здесь эти огари до окончания наблюдений в 14 ч 30 мин кормились и отдыхали на мелководье и илистой отмели, образованной торфяной золой на большом пруду (рис. 3). На следующий день огарей обнаружить не удалось ни на прудах-шламонакопителях, ни на прудах-отстойниках.

Наблюдавшиеся нами птицы с большой долей вероятности принадлежат к упоминавшейся выше московско-подмосковной популяции интродуцированных огарей.

Л и т е р а т у р а

- Викторов Л.В. 2014. Видовое разнообразие и некоторые проблемы изучения фауны и экологии позвоночных животных Тверского края // *Зоолог Л.В.Викторов: педагог, учёный, человек... Сб. тр., посвящ. 85-летию зоолога Л.В.Викторова*. Тверь: 166-195.
- Исаков Ю.А. 1952. Подсемейство утки Anatinae // *Птицы Советского Союза*. М., 4: 344-635.
- Исаков Ю.А., Распопов М.П. 1949. Материалы по экологии водоплавающих птиц Молого-Шекснинского междуречья до образования водохранилища // *Тр. Дарвинского заповедника* 1: 172-244.
- Зиновьев В.И. 1985. *Пластинчатоклювые птицы лесной зоны: биология, хозяйственное значение*. Калинин: 1-88.
- Кошелев Д.В., Зиновьев А.В., Виноградов А.А., Черкасов В.А., Бутузов А.А., Мостовая А.С. 2021. Аннотированный список птиц Тверской области с изменениями и дополнениями по состоянию на январь 2021 года // *Рус. орнитол. журн.* **30** (2031): 503-549.
- Поповкина А.Б. (1999) 2012. История формирования и современное состояние популяции огаря *Tadorna ferruginea* в Москве // *Рус. орнитол. журн.* **21** (798): 2336-2340 [1999].
- Поповкина А.Б., Зарубина Т.А. (2005) 2021. Особенности размножения огаря *Tadorna ferruginea* в Москве и возможные пути изменения репродуктивной стратегии птиц интродуцированной популяции // *Рус. орнитол. журн.* **30** (2111): 4226-4227.

Экология гнездования гуся-белошея *Philacte canagica* на севере Чукотского полуострова

А.В.Кречмар, А.Я.Кондратьев

Арсений Васильевич Кречмар, Александр Яковлевич Кондратьев.
Институт биологических проблем Севера ДВО РАН. Магадан, Россия

Второе издание. Первая публикация в 1982*

Гусь-белошей *Philacte canagica* – редкий узкоареальный вид мировой фауны, на всех этапах жизни связанный с побережьем северной Пацифики и берингийского сектора Северного Ледовитого океана. Большая часть ареала гуся-белошея находится в Северной Америке, где он населяет приморские тундры Аляски от устья Кускоквима до мыса Уэльский, а также гнездится на острове Святого Лаврентия (Bailey 1948; Gabrielson, Lincoln 1959; Fay 1961). Работами последних лет были в значительной степени выяснены область распространения и примерная численность белошея на Северо-Востоке Азии, а также собраны фрагментарные данные по его экологии (Kistchinski 1971; Кищинский 1972, 1972а; Портенко 1972). На азиатском материке белошей гнездятся в узкой полосе тундр от западных берегов Анадырского залива до устья реки Амгуэма (Птушенко 1952; Кищинский 1972). Нерегулярные залёты отдельных небольших групп гусей-белошеев отмечены и далее на запад вплоть до Чаунской низменности (наши данные) и даже до устья реки Колымы (Спангенберг 1960).

Основная область зимовок белошеев – тихоокеанское побережье Северной Америки от южной границы гнездового ареала и далее на юг до залива Гумбольдта в Калифорнии (Bailey 1948). Эти гуси также регулярно зимуют на Алеутских островах, а небольшое их количество проводит зиму на Командорских островах (С.В.Мараков, устн. сообщ.). Основные места зимовок этого вида входят в состав национальных резерватов Кларенс-Род и Шембек.

На территории нашей страны гусь-белошей, занесённый в Красную книгу СССР, повсеместно охраняется законом. Тем не менее численность белошеев из года в год снижается (Птушенко 1952; Портенко 1972; наши наблюдения). Это усугубляет необходимость детальных исследований экологии белошея на местах гнездования, во время миграций и зимовок с тем, чтобы разработать научно обоснованные меры сохранения этой редкой субарктической птицы.

* Кречмар А.В., Кондратьев А.Я. 1982. Экология гнездования гуся-белошея (*Philacte canagica*) на севере Чукотского полуострова // Зоол. журн. **61**, 2: 254-264.

Материал собран в 1972-1974 годах в приморских тундрах Чукотского полуострова, преимущественно в окрестностях четырёх временных стационаров на побережье Колючинской губы. Результаты стационарных наблюдений дополнены данными, полученными во время более чем 500-километровых экскурсионных маршрутов вдоль морского побережья к западу и к востоку от Колючинской губы и вдоль берега самой губы. В 1972 году проводили визуальные наблюдения за пролётом и гнездованием белошеев, которые в 1973-1974 годах были дополнены применением фотоавтоматов, специально сконструированных и изготовленных нами для сбора данных по температуре насиживания и этологии гусей в период гнездования (Кречмар 1974, 1978). Используемые нами приборы и методики сходны с применявшимися на острове Врангеля для исследования экологии гнездования белого гуся (Кречмар, Сыроечковский 1978). В 1973 году автоматическая запись режимов инкубации была получена у двух гнёзд гусей-белошеев: у одного гнезда было прослежено 19 суток инкубации (спустя 4 сут после окончания кладки и вплоть до вылупления птенцов), а у второго получена информация о 9 последних сутках, насиживания. В 1974 году были сделаны записи различных параметров инкубации у трёх гнёзд белошеев, причём в одном из них удалось проследить период гнездования практически полностью: прибор был установлен через 1.5 ч после откладки второго яйца (полная кладка в этом гнезде – 5 яиц). В общей сложности в 1974 году записано более 21.5 суток инкубационного времени, охватившего наиболее важные моменты гнездовой жизни гусей. Помимо изучения температурного режима кладок, были произведены замеры температуры поверхности кожи наседного пятна гусынь посредством простейшего электротермометра с точечным терморезистором КМТ-54. Термистор был установлен так, что слегка выступал над поверхностью макета яйца, который, в свою очередь, жёстко фиксировали в гнезде для обеспечения лучшего контакта датчика с кожей наседки. Всего было произведено шесть замеров у двух гусынь.

На исследованной территории гусь-белошей – довольно обыкновенная, хотя и немногочисленная гнездящаяся птица (Кречмар и др. 1978). Его численность в прибрежных тундрах близ Колючинской губы в 1973-1974 годах была близка к 0.5-1 паре на 10 км², являясь самой высокой на Чукотском полуострове (Кишинский 1971, 1972; Портенко 1972). В отдельных наиболее благоприятных местах, как, например, на косе Беляка, плотность гнездования белошеев достигала даже 3 пар на 10 км². Помимо гнездящихся пар, на побережье Колючинской губы ежегодно скапливаются на линьку 3.5-4 тыс. неразмножающихся гусей.

Весной белошей появляются в конце мая. В 1972 и 1974 годах первые их встречи были отмечены соответственно 30 и 28 мая, а в 1973 – только 12 июня. Согласно многолетним наблюдениям, проводившимся сотрудниками метеостанции острова Колючин в 1953-1962 годах, время весеннего прилёта белошеев обычно приходится на 25-30 мая. Столь поздние сроки их появления в 1963 году, как и запоздалый прилёт в 1975 году, зарегистрированный восточнее мест наших наблюдений (Сорокин 1977), – явления аномальные и в обоих случаях объясняются затяжной весной после многоснежной зимы. Особенно оживлённого весеннего пролёта белошеев в местах исследований не наблюдалось. Пары и небольшие стайки, состоявшие из 6-12 особей, летели с небольшой интенсив-

ностью: вблизи базы на косе Беляка в 1973-1974 годах за день обычно наблюдали около 200-300 птиц. Общее направление пролёта белощеев северо-западное, гуси летели преимущественно вдоль береговой линии. Длительность весеннего пролёта обычно не превышала 2-5 сут. В третьей декаде июня начинаются уже довольно интенсивные кочёвки холостых гусей, концентрирующихся на линьку. В отличие от первого появления весной, сроки начала перекочёвок белощеев на места линьки довольно стабильны из года в год (Кречмар и др. 1978), так что при запаздывании весеннего прилёта, как, например, в 1973 году, он переходит непосредственно в миграции перед линькой.

Белощеи прилетают на места гнездования уже парами, которые, в отличие от пролётных птиц, в первые дни после появления летают низко над тундрой, не придерживаясь определенного направления. Сразу после прилёта пары гусей кормятся на проталинах в кочкарниковой тундре молодыми вегетативными побегами пушицы влагищной *Eryophorum vaginatum* или же у кромки воды на берегах лагунных озёр, где поедают проростки дюпонции. Гуси, собирающиеся загнеститься не далее, чем в 1 км от колоний серебристых чаек *Larus argentatus sensu lato*, первые несколько ночей после прилёта обычно проводят вместе с этими птицами.

Облюбовав место для устройства гнезда, пара белощеев в дневное время держится обычно неподалёку. Возможно, что наиболее «оседло» ведут себя при этом гуси, гнездившиеся здесь в предыдущем году. Во всяком случае, такие пары часто стараются загнеститься неподалёку. В 1974 году одна из пар, гнездо которой в предыдущем году находилось под наблюдением, после осмотра прошлогоднего гнезда переместилась на 200 м в сторону, где и загнестилась. Впрочем, эта смена места могла быть спровоцирована наблюдателем, потревожившим гусей в момент осмотра прошлогоднего гнезда. Вторая пара белощеев устроила гнездо в 40 см от прошлогоднего. Ещё в 3 случаях рядом с жилыми гнёздами белощеев были обнаружены старые гнездовые лунки.

Пары, гнездящиеся не первый год, по всей видимости, начинают свою гнездостроительную деятельность с осмотра прошлогоднего гнезда, чем и занимается самка, в то время как гусак зорко следит за окрестностями. Во время выбора места для гнезда и в особенности в период его устройства гуси ведут себя необычайно скрытно. Нам только один раз с помощью зрительной трубы удалось наблюдать за устройством гнезда белощеями, к которому птицы приступили за 2-3 дня до начала кладки. Гусыня подгребала растительную ветошь и переносила её в клюве, а для формирования лотка неоднократно присаживалась на гнездо. Самец в это время плавал поблизости.

Белощеи явно предпочитают устраивать свои гнёзда в непосредственной близости от воды. Из 12 найденных нами жилых гнёзд 11 были

расположены на расстоянии от 0.5 до 1.5 м от береговой линии, и лишь одно гнездо было устроено в 200 м от ближайшего сравнительно крупного водоёма, да и то в непосредственной близости от маленьких полужаросших озёр до 10 м в поперечнике. Охотно гнездятся белошей на островках приморских озёр, на которых удалось найти 4 жилых и 3 старых гнезда. Лишь одно из найденных гнёзд было устроено у основания небольшого кустика ивы. Большая часть гнёзд была устроена в углублениях береговых валиков, окаймляющих озёра. Сами гнёзда представляют собой почти круглые углубления диаметром около 310 мм ($n = 21$). Глубина гнездовых лунок обычно невелика, около 100 мм, однако в 4 гнёздах, осмотренных на маленьких островках среди озёр, она доходила до 200 и даже 300 мм. Растительная выстилка гнёзд в основе своей состоит из листьев и стеблей осок, часто с корнями. В небольшом количестве к ним добавляются мхи, листья ив и ерников и другие растительные остатки. Первые яйца в гнёздах белошеев могут откладываться в весьма примитивно устроенные гнёзда и, по наблюдениям у двух гнёзд, могут лежать на совсем мокром субстрате. Покидая гнёзда, гусыни в этот период тщательно забрасывали яйца растительной трухой, так что гнездо на первый взгляд совершенно не отличалось от окружающего фона. В период откладки яиц такая выстилка существенно пополняется, а в дальнейшем остаётся практически неизменной до конца инкубации. В конце периода откладки яиц гусыня выстилает лоток выщипанными на груди и животе покровными и пуховыми перьями. Окончательный состав и мощность выстилки гнезда (по 2 гнёздам) таковы: растительные остатки (146-148 г), в том числе листья и стебли осок (103-124 г), мхи (7-22 г), листья и ветки ив (11-18 г), листья берёзы (4 г), слоевища лишайников (3 г); перья и пух (9-13 г); весовые значения соответствуют воздушно-сухому состоянию материалов.

В 1974 году, после нормального хода весны, гуси начали откладку яиц 14-20 июня. В 1973 году гнездо с 3 яйцами (при полной кладке 5 яиц) было найдено 26 июня. Судя по времени появления птенцов в этом году, откладка яиц в большинстве гнёзд началась 20-25 июня, то есть с запозданием на неделю. Относительно интервалов при откладке отдельных яиц мы располагаем лишь самыми приблизительными сведениями. В 1974 году в одном из гнёзд второе яйцо было отложено 19 июня около 22 ч (в момент осмотра гнезда оно было ещё горячим и влажным). Первое яйцо появилось в этом гнезде не раньше, чем утром 18 июня, так как в это время гнездо ещё было пустым. Последнее (пятое) яйцо было снесено 22 июня, скорее всего, в конце суток. Таким образом, яйца откладывались приблизительно с суточным интервалом. Почти аналогичный ход кладки был зафиксирован и в 1973 году в гнезде, принадлежавшем, предположительно, той же паре. В полных кладках белошеев содержалось от 2 до 11, обычно 5-6 яиц (Bailey 1948; Kistschinski 1971). В 12

осмотренных нами жилых гнёздах в полных кладках было от 2 до 5 яиц (в среднем 4.17 ± 1.02 яйца)*. Правда, в одном из этих гнёзд кладка впоследствии увеличилась до 7 яиц, но это, несомненно, явилось результатом подкладки яиц чужими гусынями (подробно см. ниже). Размеры яиц белощеев ($n = 52$), мм: длина 81.2 ± 3.4 ; ширина 52.8 ± 1.87 . Вес недавно снесённых или слабо насиженных яиц 119.9 ± 11.5 г. Скорлупа у только что отложенных яиц чисто белая, однако впоследствии во многих гнёздах она приобретает грязно-охристую окраску.

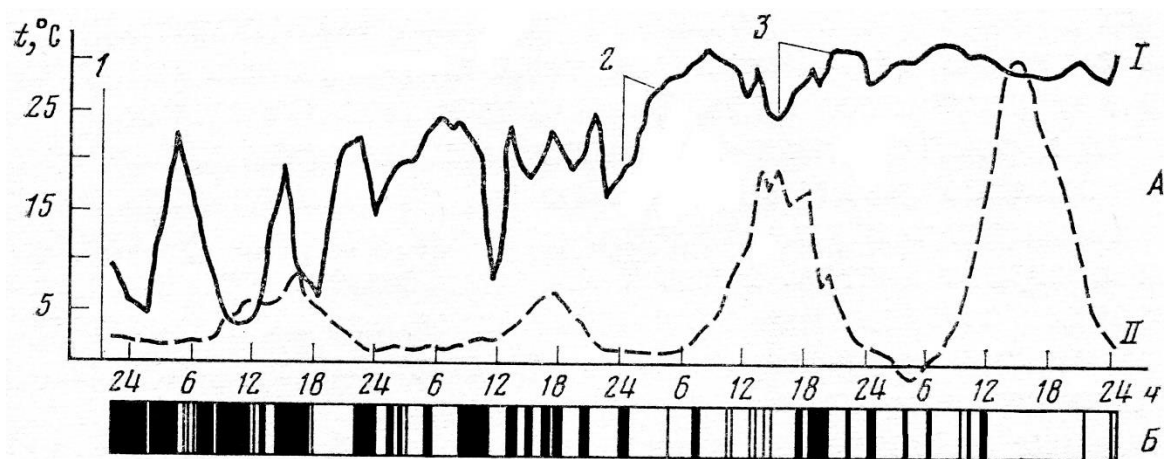

Рис. 1. Режим инкубации в гнезде гуся-белошея в период откладки яиц (19-23 июня 1973). А – температурный режим в гнезде (I – температура макета яйца; II – температура приземного слоя воздуха у гнезда; 1 – время откладки второго яйца; 2 – начало пуховой выстилки гнезда; 3 – завершение кладки); Б – актограмма активности гусыни (тёмные участки соответствуют отлучкам птицы)

За 3-4 дня до начала откладки яиц или во время неё нам случалось наблюдать отвлекающее поведение самцов белощеев, которые при приближении человека к гнезду с криками летают поблизости, присаживаются на землю и уходят, вновь взлетают и т.д. При этом наиболее активно самец «отводит», пока наблюдатель находится относительно далеко, за 150-200 м от гнезда; при приближении человека к гнезду самец становится менее активным.

В период откладки яиц белощеи довольно часто покидают гнёзда, однако держатся постоянно в зоне видимости гнезда. При пребывании гусыни на гнезде самец также находится неподалёку и зорко следит за окрестностями. Об активности белощеев в этот период и о температурном режиме кладки можно судить по графику и актограмме (рис. 1), из которых хорошо видно, что температурный режим во время откладки яиц весьма нестабилен: температура макета колебалась от 3° до 24°C и только перед откладкой последнего яйца стала выше 30°C. Согласно исследованиям ряда авторов (Harrison, Irving 1954), проведённым на домашних птицах, нижняя пороговая температура развития эмбрионов в

* Крупные кладки, по нашему мнению, – результат подкладки яиц другими самками, как это часто имеет место у белого гуся *Chen caerulescens* на острове Врангеля.

начальной стадии составляла около 26.8°C. Очевидно, с какими-то поправками эти выводы приложимы и к эмбриогенезу арктических птиц, так как температура в макетах яиц некоторых других выводковых птиц тундровой зоны в период откладки яиц, по нашим данным, также не поднимается выше этих значений (Кондратьев 1974, 1977, 1977а; Кречмар, Сыроечковский 1978).

Особенно сходный с приведённым на рисунке 1 температурный режим кладки, несмотря на разницу в температурах биотопа, отмечен нами в этот период у белого гуся *Chen caerulescens* на острове Врангеля. Нет никаких сомнений, что такая особенность температурного режима в период, предшествующий завершению кладки, имеет глубокий адаптивный смысл, препятствуя преждевременному развитию зародышей в ранее снесённых яйцах. Достигается такой эффект, очевидно, тремя путями: активностью наседки, плохой теплоизоляцией гнезда и отсутствием полноценного наседного пятна. Как видно из рисунка 1, пуховая выстилка появляется в гнёздах примерно за сутки до полной комплектации кладки, очевидно, сразу после снесения предпоследнего яйца. Значительно мощнее становится к завершению кладки и растительная часть гнездовой выстилки. Актограмма достаточно наглядно показывает, что по мере откладки новых яиц сокращается максимальная длительность разовых отлучек гусыни, возрастает время обогрева гнезда. Резкий подъём температуры макета (свыше 30°C) совпадает со временем откладки последнего яйца, когда принципиально улучшается теплоизоляция гнезда и одновременно резко улучшается контакт кожи наседки с поверхностью яиц.

Визуальные наблюдения и даже записи приборов позволили установить, что в период откладки яиц у гнёзд белошеев происходят довольно частые (порядка 1 раза в сутки) стычки хозяев гнезда с «чужими» гусями. Вероятно, это связано со стремлением некоторых гусынь, по каким-то причинам не имеющих собственных гнёзд или потерявших их в начальной стадии яйцекладки, подложить яйца в чужие гнёзда. Подкладывание яиц в чужие гнёзда достаточно широко распространено среди арктических водоплавающих птиц и наиболее полно, пожалуй, проявляется у колониально гнездящихся видов, например, у белого гуся, где имеет адаптивный характер (Сыроечковский 1976; Кречмар, Сыроечковский 1978). Степень распространения этого явления у белошея требует дальнейшего выяснения, однако сам факт подкладывания яиц не вызывает сомнений. Так, 18 июня 1974 мы нашли гнездо с 3 яйцами. На исходе дня 21 июня в нём было уже 7 яиц. При этом в 50-70 м от гнезда кормились, кроме хозяев гнезда, три пары белошеев. Хозяева прогоняли чужаков при приближении последних на 5-10 м, но при большем их удалении от гнезда агрессии не проявляли.

После завершения кладки поведение гусей у гнёзд становится отно-

сительно стабильным на протяжении всего периода инкубации (рис. 2). С этого момента гусыня безотлучно находится на гнезде 95-98% времени суток. Большую часть времени пребывания на гнезде гусыня сидит в спокойной позе, погрузив клюв в оперение на боку тела, под сгиб крыла. Такую позу мы условно рассматривали как сон. Обычно в таком положении гусыня проводит от 50 до 94% времени насиживания. Максимальное время сна приходится на середину инкубации. В начале и в конце периода насиживания птицы ведут себя на гнёздах гораздо более активно (см. таблицу).

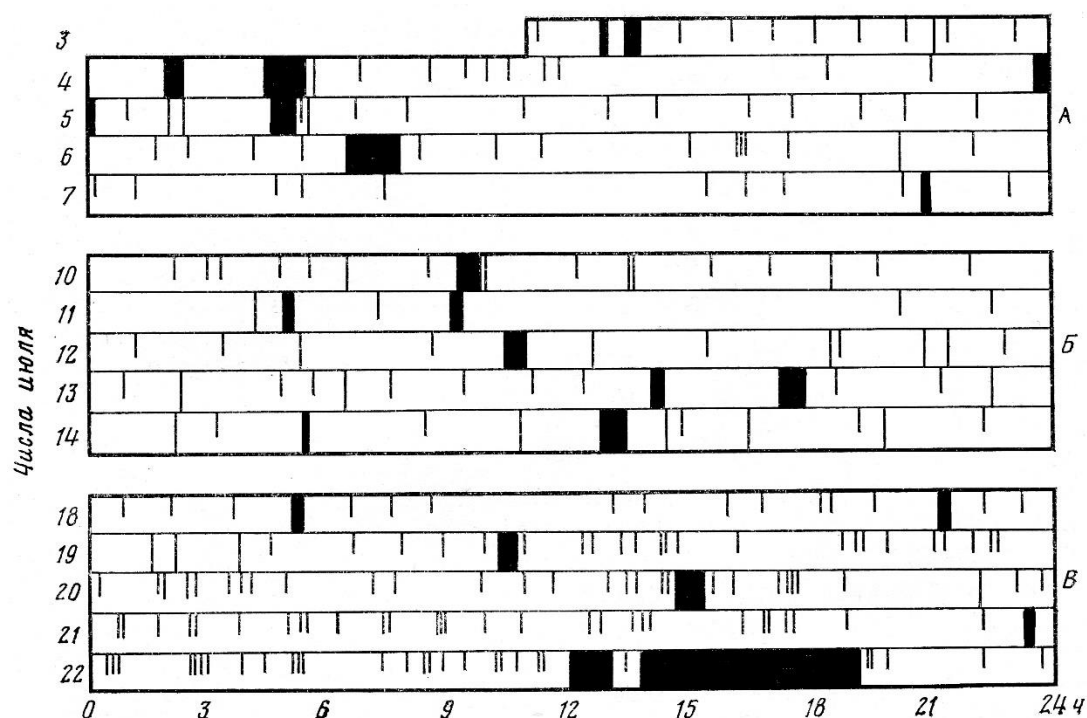

Рис. 2. Суточная активность насиживающей гусыни на разных этапах инкубации. А – первые дни после комплектации кладки; Б – середина инкубации; В – завершение инкубации; тёмные участки обозначают отсутствие птицы; вертикальные линии – птица стоит у гнезда; линии до половины актограммы – привставание птицы на гнезде.

Зависимости между величиной кладки и интенсивностью насиживания мы не заметили. Отлучки наседки обычно связаны с кормёжкой. В норме гусыня покидает гнездо 1-2 раза в сутки, изредка 3-4 раза. В отдельных случаях длительность непрерывного насиживания увеличилась до 26 и даже до 48 ч. Длительность одной отлучки обычно не превышала 30-40 мин, хотя изредка гнездо оставалось без хозяев до 2 ч. В ряде публикаций, посвящённых экологии размножения гуся-белошея (Иванов и др. 1951; Птушенко 1952), указывается, что самец белошея после окончания откладки яиц покидает пару и присоединяется к своеобразным «клубам» самцов, а вновь возвращается к гнезду лишь в момент появления птенцов. Такая точка зрения совершенно ошибочна. Наши наблюдения показывают, что гуси-белошеи, как и гуси других видов, неизменно держатся парами на протяжении всего летнего периода.

В то время как самка насиживает, самец принимает самое деятельное участие в охране гнезда. Правда, если поблизости от места гнездования кормятся стаи неразмножающихся белошеев, самец может присоединяться к ним, но лишь на короткое время, причём и в этом случае он не выпускает гнезда из поля зрения. Большую же часть времени гусак проводит, кормясь не далее 100-150 м от гусыни, а отдыхает зачастую рядом с гнездом. При отлучках гусыни самец обычно сопровождает её.

Изменчивость некоторых параметров режимов насиживания гуся-белошея на разных этапах инкубации в разные годы

Годы, номера гнёзд	Т, °С			ПН, %	ЧО	ПО, мин	ЧП	ВС, ч
	Среднее	Max	Min					
Н а ч а л о и н к у б а ц и и								
1973 год								
№ 1 (5 яиц)	29.8	31.4	27.8	95.1	1.8	35	15	14
№ 2 (5 яиц)	—	—	—	—	—	—	—	—
1974 год								
№ 1 (5 яиц) **	30.4	31.8	28.6	94.2	2.6	32	17	16
№ 2 (7 яиц)	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 3 (2 яйца)	32.0	34.0	30.8	95.9	1.7	35	21	15.5
С е р е д и н а и н к у б а ц и и								
1973 год								
№ 1 (5 яиц)	30.7	32.0	28.0	97.6	1.7	20	12	20
№ 2 (5 яиц)	31.8	33.5	29.2	97.9	1.2	25	14	21
1974 год								
№ 1 (5 яиц) **	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 2 (7 яиц)	32.5	34.2	29.8	95.0	2.0	34	14	22.5
№ 3 (2 яйца)	33.8	35.2	30.0	96.8	2.5	18	13	20.5
К о н е ц и н к у б а ц и и								
1973 год								
№ 1 (5 яиц)	30.6	33.5	29.6	97.5	1.5	24	27	16
№ 2 (5 яиц)	33.0	34.8	29.0	97.5	1.8	20	24	18
1974 год								
№ 1 (5 яиц) **	31.2	34.0	30.4	95.8	4.0	15	31	13.5
№ 2 (7 яиц)	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 3 (2 яйца)	34.2	35.5	32.0	95.2	3.0	23	28	14

* Т — среднесуточная температура макета яйца; ПН — плотность насиживания в % времени суток; ЧО — число отлучек за сутки; ПО — продолжительность разовой отлучки; ЧП — число перемещений наседки на гнезде; ВС — примерное время сна наседки за сутки.

** Предположительно гнездо той же пары, что и гнездо № 1 в 1973 году.

Время кормёжки наседки не имеет ярко выраженной приуроченности к определённому времени суток (рис. 2), но она несколько чаще происходит в первой половине дня. Зависимость частоты и продолжительности сходов гусыни с гнезда от температуры окружающего воздуха проявляется только в первые дни после завершения кладки (коэффициент корреляции $r = 0.5$, $n = 23$, $P < 0.05$). На более поздних этапах насижи-

вания такой зависимости не отмечено: $r = 0.09$, $n = 24$, $P > 0.05$ для середины срока инкубации и $r = 0.14$, $n = 22$, $P > 0.05$ на завершающем этапе. Однако совершенно очевидно, что сама по себе температура биотопа не оказывает на поведение наседки столь сильного влияния, как другие, часто связанные с ней параметры погоды, как, например, туман, дождь или сильный ветер. Замечено, что при тумане или ветре более 15 м/с кормёжка гусыни длилась в среднем 32 мин ($n = 12$), в то время как при отсутствии этих факторов птица отлучалась в среднем на 45 мин. Все случаи более чем суточного безотлучного насиживания ($n = 11$) также зарегистрированы при тумане или сильном ветре. Во время штормового ветра, когда брызги воды достигали устроенного на маленьком островке гнезда, наседка не сходила с него 48 ч подряд.

В ходе инкубации плотность насиживания белошеев незначительно возрастает (таблица) за счёт сокращения продолжительности отлучек. Скорее всего, этому способствует обильное развитие молодых побегов дюпонции в местах кормёжки гусей.

Помимо отлучек на кормёжку, насиживающая самка белошея совершает в течение суток множество «местных» перемещений на гнезде, которые заметно влияют на температурный режим инкубации. Время от времени гусыня встаёт с гнезда и, постояв некоторое время на его краю, вновь усаживается. Как правило, эта процедура сопровождается переворачиванием яиц в гнезде. Имеется прямая зависимость между частотой таких кратковременных перерывов в насиживании и температурой окружающей среды ($r = 0.57$, $P < 0.05$). Однако чаще гусыня не встаёт с гнезда полностью, а лишь привстаёт на гнезде и изменяет своё положение на нём относительно сторон света. Присаживаясь, она делает характерные движения телом и ногами, перекатывая яйца и принимая наиболее удобную позу. Часто при этом она поправляет яйца и выстилку лотка клювом. Таких изменений позы за сутки обычно насчитывается от 10 до 30. Их число сильно варьирует в зависимости от времени наблюдения и этапа инкубации. Спокойнее всего птица ведёт себя в ночное время с 22 до 3 ч (в середине срока инкубации в среднем 0.2 перемещения за 1 ч). Увеличение активности наседки на завершающем этапе инкубации широко распространено среди разных групп птиц и, несомненно, связано с повышенной требовательностью эмбрионов к кислороду на последних фазах эмбриогенеза. Непосредственно перед вылуплением птенцов поведение наседки направлено также на его стимуляцию.

Температура наседных пятен гусынь по 6 замерам в двух разных гнездах колебалась от 40.2 до 42.3°C и составила в среднем 40.9°C. Сходные температуры наседных пятен отмечены не только у белых гусей (Кречмар, Сыроечковский 1978), но и у многих арктических ржанкообразных (Кондратьев 1980).

Данные, полученные после обработки результатов измерений темпе-

ратуры в центре макетов яиц на разных этапах инкубации кладок гусей-белошеев, представлены в таблице. Несмотря на значительные колебания температуры биотопа, температуры кладки*, как видно из этой таблицы, изменялись незначительно. В первые несколько дней после завершения кладки средние температуры кладки наиболее низки, кроме того, бросается в глаза довольно значительная амплитуда их варьирования, которая может достигать 10°. Столь большие перепады температур в кладках белошея объясняются не только менее стабильным обогревом гнёзд, но и более быстрым охлаждением яиц в начале инкубации. Последнее обстоятельство объясняется как отсутствием собственной теплопродукции эмбрионов, так и характеристиками окружающего гнездового субстрата. Следует отметить более слабые в этот период теплоизолирующие качества недостаточно просохшей выстилки лотка, а также близость мёрзлого грунта. Имеется несомненная зависимость средних температур кладки от глубины залегания мерзлоты ($r = 0.85$ при $n = 30$). По нашим измерениям, оттаявший слой почвы под нижней границей выстилки гнезда составлял в начале инкубации от 0 до 5 см, в середине – 12-28 см, а перед вылуплением птенцов – от 30 до 45 см. В начале инкубации при отлучках гусыни скорость охлаждения кладки составляла 6.2° в час, а в середине срока инкубации она не превышала 2.4° в час†. Теплоизолирующие свойства гнездовой выстилки у белошеев весьма высоки. На рисунке 3 видно, как незначительно понижается температура укрытой кладки гуся даже при продолжительной отлучке наседки. С другой стороны, когда внезапно потревоженная птица оставляет гнездо открытым, скорость охлаждения яиц во много раз возрастает. На кривой, отражающей нагрев яйца (рис. 3), хорошо заметно, насколько сильно влияют на этот процесс переворачивание яиц и изменение положения наседки на гнезде. По мере хода инкубации значения экстремальных температур кладки сближаются (рис. 4) за счёт возрастания значений минимальных температур, что отражает общую тенденцию к стабилизации температурного режима в гнёздах от начала к концу инкубации.

Средние температуры макетов яиц, измеренные только во время отлучек гусыни ($n = 415$), также повышаются в ходе инкубации от 29.9°C в начале до 30.8°C в середине этого периода. Никакой зависимости температуры кладки от температуры биотопа подметить не удалось даже в период отлучек наседки ($r = 0.01$, $n = 74$, $P > 0.05$).

Как видно из таблицы, температурные показатели инкубации в разных гнёздах с одинаковым числом яиц и в одно и то же время могут быть несколько различными даже в конце периода насиживания. В рассмотренном случае причина такого различия – скорее всего, разница в мес-

* За усреднённую температуру кладки мы принимали температуру в центре макета яйца.

† Измерения проводили у одного гнезда с кладкой из 5 яиц при температуре биотопа около 7°C.

тоположении гнёзд: гнездо № 1 в 1973 году было устроено в гораздо более влажном месте. Помимо особенностей устройства гнёзд, на температуру кладки могут влиять число яиц в кладках и индивидуальные особенности поведения белощеев. Как показали наши наблюдения, абсолютные температуры кладок оказывают непосредственное влияние на длительность инкубации. Например, в гнезде, в котором точно зафиксировано время завершения кладки, птенцы появились в 1973 году на 25-е сутки, а в 1974 – на 24-е (гнездо № 1 за 1973 и 1974 года в таблице). Аналогичная закономерность установлена нами и у белого гуся на острове Врангеля (Кречмар, Сыроечковский 1978).

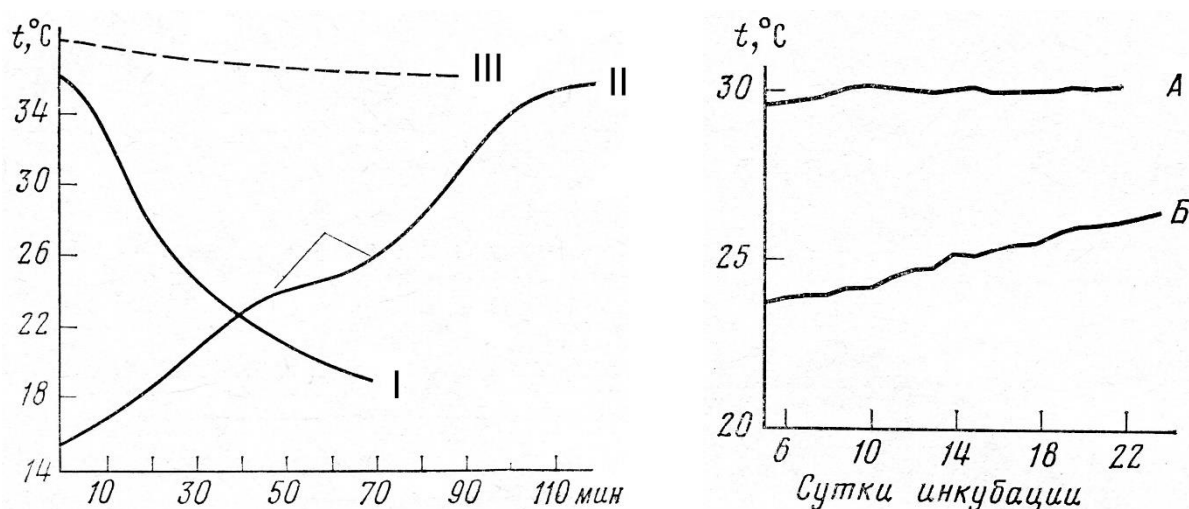

Рис. 3 (слева). Скорость изменения температуры кладки в гнёздах гусей-белошеев (температуры измеряли в гнёздах с одинаковыми кладками по 5 яиц): I – остывание не закрытой кладки при температуре биотопа 6/8 $^\circ\text{C}$; II – нагревание охлаждённой кладки после возвращения на неё гусыни (стрелки указывают время переворачивания гусыней яиц и изменение положения наседки), температура биотопа 6.2 $^\circ\text{C}$; III – охлаждение кладки, укрытой выстилкой лотка, температура биотопа 5.8 $^\circ\text{C}$

Рис. 4 (справа). Ход максимальных (А) и минимальных (Б) температур макета яйца в одном из гнёзд белошей в процессе инкубации.

Вылупление птенцов в разных гнёздах белощеев в 1973 году происходило между 21 и 25 июля, а в 1974 – между 15 и 19 июля. В трёх наблюдавшихся гнёздах оно начиналось в утренние часы и заканчивалось после полудня. Во время вылупления птенцов гуси сидят на гнёздах довольно плотно и очень неохотно их покидают. Надо заметить, что белощей вообще быстро привыкают к наблюдателю (если излишне их не тревожить). При осторожном общении гуси вскоре спокойно насиживают, даже когда человек находится в 15-20 м. Во время вылупления птенцов некоторые гусыни даже нападают на наблюдателя, защищая своё потомство. Самцы ведут себя гораздо более осторожно и выражают своё беспокойство лишь криками.

Новорождённые гусята из одного гнезда имели массу 80.9, 81.4 и 82.0 г. Инкубационные качества яиц белощеев весьма высоки; ни в одном из осмотренных гнёзд не найдено неоплодотворённых яиц. Однако

в 19 выводках белошеев, встреченных нами за период работы, отмечено от 1 до 4 пуховых птенцов (в среднем 3.7), что ниже средней величины кладки. Причины гибели гусят недостаточно ясны. Некоторая их часть, возможно, гибнет, ещё не покинув гнездо. В 1978 году мы нашли у гнезда одного мёртвого гусёнка с ещё не обсохшим пухом и довольно большим куском подскорлуповой оболочки на спине. Скорее всего, птенец погиб в результате того, что потревоженная гусыня увела уже обсохших птенцов, как мы часто наблюдали у белого гуся на острове Врангеля. Оценить роль хищников в гибели гусят пока не представляется возможным из-за недостатка материала.

Новорождённые гусята довольно подвижны. Ранее появившиеся на свет птенцы, едва обсохнув, стремятся вылезти из гнезда, ходят вокруг матери, склёвывают с неё комаров и даже пытаются взобраться на гусыню. Вскоре после того, как последний появившийся на свет птенец просохнет, наседка уводит выводок на воду. При этом гусыня покидает гнездо и плавает около берега с тихим призывным гоготанием. Гусята некоторое время жалобно пищат и наконец, решившись, бросаются в воду. Однако через некоторое время выводок возвращается на гнездо. Во всяком случае, это справедливо для белошеев, гнёзда которых были устроены на островках озёр. На рисунке 2 пятичасовая отлучка в конце периода инкубации показывает отсутствие выводка гусей перед их ночёвкой в своём старом гнезде. На следующий день в ранние утренние часы гуси покидают гнездо и больше к нему не возвращаются. До возмужания птенцов семьи белошеев держатся на травянистых влажных берегах наиболее крупных приморских озёр.

Из рассмотрения всего приведённого материала и сравнения некоторых положений с соответствующими наблюдениями, касающимися белого гуся на острове Врангеля (Кречмар, Сыроечковский 1978), бросается в глаза меньшая «насыщенность» репродуктивного цикла белошея. Это связано с особенностями фенологии материка – несколько более стабильным летом и более поздней осенью, дающей возможность этой достаточно крупной птице приступить к гнездованию в более благоприятные сроки.

Действительно, между сроками первого появления и началом гнездования белошея обычно проходит 10-15 дней, в результате чего инкубационный период приходится у него в основном на июль, а не на июнь, как у белого гуся на острове Врангеля. Если принять во внимание эти сроки, то становится понятной тесная привязанность белошея к воде, в частности, к островкам на мелководных озёрах. Действительно, к моменту гнездования лёд на мелководье тает, и устроенные там гнёзда становятся менее доступными для песцов *Alopex lagopus*. О дефиците особенно удобных для гнездования мест косвенно свидетельствуют и факты подкладывания некоторыми гусынями своих яиц в чужие гнёзда.

В температурном режиме инкубации и активности наседки обнаруживается очень большое сходство с белыми гусями. Некоторая разница прослеживается только в период откладки яиц, когда в соответствии с более мягкими погодными условиями гусыня проводит на гнезде в среднем только около 50% времени. Кроме того, для белошея характерно некоторое увеличение плотности насиживания к концу периода инкубации, в то время как для восполнения гораздо больших энергетических затрат самки белого гуся вынуждены увеличить время кормёжки, а в некоторых случаях даже вообще бросают кладки в результате общего истощения. Как и у белого гуся, у белошея в разных гнёздах отмечены индивидуальные различия в температуре кладки, оказывающие влияние на общую длительность инкубации. Последняя у белошея составляет 24-25 сут, то есть, видимо, несколько больше, чем у белого гуся, что также свидетельствует о меньшем дефиците времени. Таким образом, очевидно, что чукотская популяция белошея устойчива к комплексу неблагоприятных метеоусловий, столь пагубно влияющих на врангелевскую популяцию белого гуся. Поэтому основная причина снижения численности белошея – прямое и косвенное воздействие человека: охота на пролёте, развитие оленеводства, появление бродячих собак, стабилизация численности песка и просто увеличение фактора беспокойства, связанное с развитием транспорта.

Л и т е р а т у р а

- Иванов А.И., Козлова Е.В., Портенко Л.А., Тугаринов А.Я. 1951. *Птицы СССР*. М.; Л., 1: 1-280.
- Кищинский А.А. 1972. Водоплавающие птицы северного побережья Чукотского полуострова // *Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование*. М., 2: 82-84.
- Кищинский А.А. 1972а. К биологии гуся-белошея // *Гуси в СССР*. Тарту: 149-162.
- Кондратьев А.Я. 1974. К изучению гнездовой жизни лопатоноса // *Материалы 5-й Всесоюз. симп. по биологическим проблемам Севера*. Владивосток: 119-126.
- Кондратьев А.Я. 1977. Этапы инкубации и гнездовое поведение куликов // *Зоол. журн.* **56**, 11: 1668-1675.
- Кондратьев А.Я. 1977а. Редкие птицы в тундрах Чукотского полуострова и проблема их охраны // *Проблемы рационального использования и охраны ресурсов Дальнего Востока*. Владивосток: 157-159.
- Кондратьев А.Я. 1980. Измерение температуры наседных пятен некоторых куликов // *Материалы 2-го совещ. по фауне и экологии куликов*. М.: 19-21.
- Кречмар А.В. 1974. Прибор для экологических исследований гнездования птиц // *Зоол. журн.* **53**, 6: 926-932.
- Кречмар А.В. 1978. *Автоматическая фотосъёмка в экологических исследованиях*. М.: 1-110.
- Кречмар А.В., Андреев А.В., Кондратьев А.Я. 1978. *Экология и распространения птиц на Северо-Востоке СССР*. М.: 1-193.
- Кречмар А.В., Сыроечковский Е.В. 1978. Экология насиживания белого гуся на острове Врангеля // *Зоол. журн.* **57**, 6: 899-910.
- Портенко Л.А. 1972. *Птицы Чукотского полуострова и острова Врангеля*. Л., 1: 1-424.

- Птушенко Е.С. 1954. Подсемейство гусиные Anserinae // *Птицы Советского Союза*. М., 4: 255-344.
- Сорокин А.Н. 1977. Холодная весна 1975 г. и население птиц Восточной Чукотки // *Орнитология* 13: 210-211.
- Спангенберг Е.П. (1960) 2012. Новые сведения по распространению и биологии птиц в низовьях Колымы // *Рус. орнитол. журн.* 21 (737): 560-567.
- Сыроечковский Е.В. 1976. Особенности поведения белых гусей (*Anser caerulescens*) в гнездовой период // *Зоол. журн.* 55, 10: 1495-1505.
- Bailey A.M. 1958. Birds of Arctic Alaska // *Colorado Mus. Nat. Hist. Pop. ser.* 8: 367.
- Fay F.H. 1961. The distribution of waterfowl of St. Lawrence Island // *Wildfowl Trust. Ann. Rep.* 12: 70-80.
- Gabrielson J.N., Lincoln F.C. 1959. *Birds of Alaska*. Harrisburg, Washington: 1-922.
- Harrison J.R., Irving K. 1954. Effect of lowered incubation temperature on the growth and differentiation of the chick embryo // *Biol. Bull.* 106: 178-183.
- Kistchinski A.A. 1971. Biological notes on the emperor goose in North-East Siberia // *Wildfowl* 22: 29-34.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2021, Том 30, Экспресс-выпуск 2114: 4336-4339

Новая встреча японского перепела *Coturnix japonica* в Южном Прибайкалье

Ю.И.Мельников

Юрий Иванович Мельников. ФГБУН Байкальский музей Иркутского научного центра. Листвянка, Иркутская область, Россия. E-mail: yumel48@mail.ru

Второе издание. Первая публикация в 2015*

В первой половине XX века японский, или немой перепел *Coturnix japonica* Temminck et Schlegel, 1849 встречался в небольшом количестве на Северном Байкале, где в это время установлено его гнездование (Гагина 1961). Последующие наблюдения подтвердили его обитание в северо-восточном Прибайкалье (Ананин 2001). Впоследствии появились указания на встречи данного вида в Баргузинской котловине. Здесь он считался малочисленным видом, встречающимся по террасовым и пойменным лугово-болотным местообитаниям и, вероятно, гнезился (Лямкин 1977). В первой половине XX столетия он гнезился в средней части дельты реки Селенги и был здесь достаточно обычным видом (Бакутин 1950). В последствии (1950-е годы) он приводится для данного района озера Байкал как гнездящийся вид, обычный для притеррасных участков, но редкий на её островах (Швецов, Швецова 1967). Однако к концу XX века он стал здесь редким видом (Журавлёв 1995; Мельников 2000;

* Мельников Ю.И. 2015. Новая встреча японского перепела *Coturnix japonica* Temminck et Schlegel, 1849 (Aves, Phasianidae) в Южном Прибайкалье // *Байкал. зоол. журн.* 1 (16): 107-109.

Фефелов и др. 2001), что, видимо, связано с подтоплением дельты в результате строительства Иркутской ГЭС. Однако на западном побережье Байкала японский перепел очень долго никем не отмечался. Вполне очевидно, что он здесь в это время и не встречался.

Во второй половине XX столетия появились сведения о летних встречах японского перепела в верхнем течении реки Ангары (до Иркутска), в бассейне реки Куды и средней части долины реки Киренги. Известны также и его зимние единичные находки (Дурнев и др. 1996). Однако для юго-западного побережья Байкала он до сих пор не указан (Богородский 1989), а на западном побережье озера встречается как залётный или очень редкий вид с недоказанным гнездованием – пойма реки Сармы, Приольхонье и остров Ольхон (Пыжьянов и др. 1997; Преловский 2007; Пыжьянов 2007; Рябцев 2007). В то же время в 1970-х годах были собраны материалы, указывающие на довольно широкое распространение японского перепела по Иркутско-Черемховской равнине и на северных степных участках вдоль Братского водохранилища. В 1990-х годах этот вид зарегистрирован в Балаганской степи, а также у посёлков Залари, Куйтун, села Уян, деревни Идыга, в поймах рек Тутура и Большая Кора (Дурнев и др. 1996; Попов и др. 1998; Фефелов 1998, 1999, 2006; Мельников 1999; Малеев, Попов 2007, 2012). В окрестностях села Уян японский перепел численно заметно преобладал над обыкновенным перепелом *Coturnix coturnix* (Фефелов 1998, 1999). Наиболее западной точкой регистрации японского перепела по Иркутско-Черемховской равнине является находка у посёлка Уховский (Мельников 1999). Однако распространение его в Южном Предбайкалье носит локальный характер и отдельные участки находок этого вида часто отделены от других большим расстоянием.

В связи с этим обнаружение нового участка гнездования японского перепела на побережье озера Байкал представляет несомненный интерес. На ключевом участке, обследуемом ежегодно и расположенном на правобережье истока Ангары в междуречье Никольской Банной и Крестовой в первые два года исследований (2010-2011) японский перепел не отмечался. Однако летом 2012 года он обнаружен в пределах селитебной территории посёлка Листвянка (на луговом склоне подъёмника «Камень Черского»). Птицы встречались на протяжении всего гнездового сезона в луговой части поймы ключа Каменушка в районе обширной поляны, образовавшейся в результате расчистки территории при строительстве подъёмника и под канатной дорогой, идущей к вершине горы.

В этом же году местные жители принесли мне 4 ноября пойманного самца японского перепела. Длительная тёплая погода задержала осенний пролёт многих птиц, создав хорошие условия для остановок на отдых, а неожиданный сильный снегопад и установившаяся затем морозная погода препятствовали их дальнейшей миграции. С пролётом задер-

жались два японских перепела, одного из них с обмёрзшими маховыми удалось поймать у жилых домов посёлка. Птица прожила у меня всю зиму в клетке и весной после установления тёплой погоды отпущена на волю. В этот день на утреннем учёте впервые услышаны голоса японских перепелов, вернувшихся на данный участок для гнездования.

В последующие годы численность вида постепенно увеличивалась, но японский перепел держался только на этом участке поймы реки Каменушки. Характерно, что его встречи зафиксированы не только в пределах обширного открытого искусственно созданного участка, но и на небольших луговых полянах с довольно высоким разнотравьем и кустами кизильника черноплодного *Cotoneaster melanocarpa* среди сосново-берёзового леса в окрестностях подъёмника. Это противоречит указаниям на его гнездование только по участкам с низким травостоем (Потапов 1987). В нашем случае на лесных полянах достаточно густой травостой иногда достигал высоты 40-50 см. Плотность населения японского перепела колебалась от 0.41 ± 0.5 ос./км² в первый сезон гнездования до 6.7 ± 0.3 ос./км² летом 2014 года. Для определения плотности населения перепела использовалась общепринятая методика, применяемая нами для учётов всех видов птиц (Равкин, Челинцев 1990).

Таким образом, явно прослеживается общая тенденция повышения плотности населения японского перепела в последние три года наблюдений. В процессе работы при настойчивом преследовании на участках с невысоким травяным покровом нами неоднократно выпугивались как взрослые птицы, так и плохо летающие выводки. В настоящее время японский перепел является гнездящимся видом данного участка Южного Байкала (исток реки Ангары).

Л и т е р а т у р а

- Ананин А.А. 2001. Общий обзор фауны птиц Северо-Восточного Прибайкалья (Баргузинский хребет) // *Тр. заповедника «Байкало-Ленский»* 2: 66-82.
- Бакутин М.Г. 1950. *Водоплавающие птицы дельты р. Селенги. Гусеобразные – Anseriformes*. Дис. ... канд. биол. наук. Улан-Удэ: 1-128 (рукопись).
- Богородский Ю.В. 1989. *Птицы Южного Предбайкалья*. Иркутск: 1-207.
- Гагина Т.Н. 1961. Птицы Восточной Сибири (Список и распространение) // *Тр. Баргузинского заповедника* 3: 99-123.
- Дурнев Ю.А., Мельников Ю.И., Бояркин И.В., Книжин И.Б. и др. 1996. *Редкие и малоизученные позвоночные животные Предбайкалья: распространение, экология, охрана*. Иркутск: 1-287.
- Журавлёв В.Е. 1995. *Воробьиные птицы дельты Селенги*. Иркутск: 1-38 (Деп. в ВИНТИ 30.06.95. № 1937-В 95).
- Лямкин В.Ф. 1977. Зоогеография млекопитающих и птиц Баргузинской котловины // *Региональные биогеографические исследования в Сибири*. Иркутск: 111-177.
- Малеев В.Г., Попов В.В. 2007. *Птицы лесостепей Верхнего Приангарья*. Иркутск: 1-300.
- Мельников Ю.И. 1999. Дополнения и уточнения к списку птиц Зиминско-Куйтунского степного участка (Восточная Сибирь) // *Рус. орнитол. журн.* 8 (86): 3-9.
- Мельников Ю.И. 2000. Новые материалы о фауне птиц дельты реки Селенги (Южный Байкал) // *Рус. орнитол. журн.* 9 (102): 3-19.

- Попов В.В. 2012. Птицы Иркутской области: видовой состав, распространение и характер пребывания. Гагарообразные – Журавлеобразные // *Байкал. зоол. журн.* 1 (9): 36-62.
- Попов В.В., Саловаров В.О., Кузнецова Д.В. 1998. Интересные встречи птиц в лесостепи Иркутской области: сезон 1998 г. // *Вестн. ИргСХА* 13: 24-25.
- Потапов Р.Л. 1987. Отряд курообразные // *Птицы СССР: курообразные, журавлеобразные.* М.: 7-260.
- Преловский В.А. 2007. Авифауна минеральных озёр Приольхонья // *Тр. Прибайкальского нац. парка* 2: 208-217.
- Пыжьянов С.В. 2007. Список птиц побережья Малого моря и прилегающих территорий // *Тр. Прибайкальского нац. парка* 2: 218-229.
- Пыжьянов С.В., Тупицын И.И., Сафронов Н.Н. 1997. Новое в авифауне Байкальского побережья // *Рус. орнитол. журн.* 6 (30): 11-18.
- Равкин Е.С., Челинцев Н.Г. 1990. *Методические рекомендации по комплексному маршрутному учёту птиц.* М.: 1-33.
- Рябцев В.В. 2007. Динамика орнитофауны Прибайкальского национального парка на рубеже XX-XXI веков // *Тр. Прибайкальского нац. парка* 2: 230-254.
- Фефелов И.В. 1998. Японский перепел *Coturnix japonica* в Предбайкалье // *Рус. орнитол. журн.* 7 (50): 24-26.
- Фефелов И.В. 1999. Дополнение к списку птиц Зиминско-Куйтунского степного участка (Восточная Сибирь) // *Рус. орнитол. журн.* 8 (69): 3-5.
- Фефелов И.В. 2006. Птицы в районе трассы газопровода «Ковыкта–Саянск–Иркутск»: общая характеристика авифауны, многочисленные и редкие виды // *Рус. орнитол. журн.* 15 (314): 301-308.
- Фефелов И.В., Тупицын И.И., Подковыров В.А., Журавлёв В.Е. 2001. *Птицы дельты Селенги: Фаунистическая сводка.* Иркутск: 1-320.
- Швецов Ю.Г., Швецова И.В. 1967. Птицы дельты Селенги // *Изв. ИСХИ* 25: 224-231.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2021, Том 30, Экспресс-выпуск 2114: 4339-4341

Наблюдения некоторых редких птиц в заказнике Ельня и его окрестностях (Витебская область)

В.Т.Ковалёнок

Второе издание. Первая публикация в 2020*

Заказник Ельня создан в 1968 году с целью сохранения болотного массива Ельня, расположенного на территории преимущественно Миорского и части Шарковщинского районов Витебской области. Многократные посещения заказника Ельня и его окрестностей в последние годы позволили сделать ряд наблюдений редких птиц.

Чернозобая гагара *Gavia arctica*. Постоянно гнездящийся вид заказника (Ивановский, Ковалёнок 2004). По нашей оценке, здесь ежегод-

* Ковалёнок В.Т. 2020. Наблюдения некоторых редких птиц в заказнике «Ельня» и его окрестностях (Витебская область) // *Subbuteo* 12: 69-71.

но гнездится 2-3 пары. Кроме того, летом встречаются холостые и молодые особи. На озёрах Белое и Лопуховое неоднократно находили гнёзда. В 2012 году две взрослые птицы с птенцом впервые замечены на озере Волозе возле деревни Буды (Шарковщинский район), а в 2019 году две взрослые птицы и два птенца встречены на озере Плоское.

Белоголовый сип *Gyps fulvus*. Встреча с сипом произошла возле деревни Юзефово Шарковщинского района. 17 августа 2016 пастухи, пасущие колхозное стадо коров, утром заметили большую птицу. Ночью прошёл проливной дождь с сильным ветром, поэтому 18 августа мокрая птица при виде людей не смогла взлететь. Сип близко подпускал к себе людей (рис. 1), ходил недалеко от стада коров, подходил к кормящимся белым аистам *Ciconia ciconia*. На следующий день, когда пригрело солнце, сип улетел в западном направлении.

Рис. 1. Белоголовый сип *Gyps fulvus*. Окрестности деревни Юзефово, Шарковщинский район Витебской области. 18 августа 2016. Фото автора

Дербник *Falco columbarius*. Редкий вид, в малом числе гнездящийся в заказнике Ельня. Из-за нехватки гнёзд врановых легко занимает искусственные гнездовья. Последнее заселение искусственного гнезда-кочки отмечено в 2018 году недалеко от южного берега озера Малая Табола. К сожалению, гнездо было проверено поздно, когда птенцы его уже покинули; удалось наблюдать только двух лётных молодых птиц. Это искусственное гнездо было построено в 2016 году.

Белая куропатка *Lagopus lagopus*. Продолжает гнездиться в заказнике, хотя её численность и уменьшилась. Ранее опубликованы данные о находке на этом болотном массиве двух гнёзд белой куропатки (Ивановский, Ковалёнок 2002). В 2019 году с августа по сентябрь я находил свежие линные перья белой куропатки в 6 разных точках болота.

Ястребиная сова *Surnia ulula*. В первый раз встречена мной возле деревни Васильково Шарковщинского района 2 января 2017. Проходя

через поле, я увидел на одиноко стоящем дереве птицу, которую издали принял за канюка или зимняка, и лишь приблизившись на более близкое расстояние, смог рассмотреть и определить (рис. 2). При моем приближении сова не улетела, а продолжала сидеть на ветке дерева. На следующий день я снова обнаружил её; затем она отмечалась в этих местах целый месяц. Птица обычно охотилась днём, используя в качестве присад столбы или деревья. К присутствию человека относилась безразлично, не реагировала и на пролетавших мимо птиц (в том числе перепелятника *Accipiter nisus* и серого сорокопута *Lanius excubitor*). Только однажды, подвергшись атаке группы соек *Garrulus glandarius*, сова прижалась к стволу дерева и сидела так, пока угроза не миновала. На проигрывание записи голоса ястребиной совы охотно отвечала.

Рис. 2. Ястребиная сова *Surnia ulula*. Окрестности деревни Васильково, Шарковщинский район Витебской области. 2 января 2017. Фото автора.

Через год ястребиная сова была встречена в другом месте, недалеко от деревни Козьяны Поставского района. Здесь она впервые была замечена днём сидящей на столбе с добытой лаской *Mustela nivalis*. В последующем наблюдалась с 17 по 19 февраля 2018. Примечательно, что биотоп, где постоянно держалась ястребиная сова, был очень похож на место наблюдения её в 2017 году: неубранное рапсовое поле, окружённое небольшими болотцами и лесами, рядом с оживлённым шоссе. При этом на рапсовом поле кормились сотенные стаи чечёток, овсянок и воробьёв и постоянно встречались дербник и перепелятник.

Л и т е р а т у р а

- Ивановский В.В., Коваленок В.Т. 2002. О гнездовании среднерусской белой куропатки (*Lagopus lagopus*) в Беларуси // *Subbuteo* 5, 1: 47-48.
- Ивановский В.В., Ковалёнок В.Т. 2004. Гнездование чернозобой гагары *Gavia arctica* на верховом болоте Ельня // *Рус. орнитол. журн.* 13 (268): 699-701.

